
МАРИНА
МАРТОВА
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
ИЗМЕНА
18+
Твоя
БЫВШАЯ ЖЕНЩИНА

Марина Мартова

Измена. Твоя бывшая женщина

«Автор»
2026

Мартова М.

Измена. Твоя бывшая женщина / М. Мартова — «Автор», 2026

Она вернулась - и наш брак рассыпался в прах.Нина.Бывшая моего мужа.Красивая, успешная, наглая.Она снова появилась в его жизни - теперь как лицо моей новой коллекции украшений.Марк клялся, что между ними только работа, и я верила... пока не увидела её снимок в соцсети: её тонкая рука с моим браслетом на его груди и подпись «Я люблю и безумно любима».Правда ударила по мне больно... только я могу бить сильнее.И мне совершенно плевать, что муж не собирается меня отпускать!Отправляйся ты... к Нине, любимый!Для читателей старше 18 лет.Встречается ненормативная лексика, откровенные и жестокие сцены.

© Мартова М., 2026
© Автор, 2026

Марина Мартова
Измена. Твоя бывшая женщина

Глава 1

Женя

Как только Она появилась в нашей жизни, я знала, что это рано или поздно произойдёт.

Верить не хотела, конечно. Но сердце предвидело скорую беду.

Оно же всегда чувствует, правда?

Мы не прислушиваемся, гоним от себя плохое предчувствие… но этот стучащий в груди моторчик никогда не врёт.

Сердце всё чувствует… и уже знает правду, когда сознание ещё отрицает очевидное.

Когда. Все. Врут. Тебе. В. Глаза!

Сколько раз муж говорил мне, что у меня паранойя?

Что между ними ничего, кроме работы нет?

Снова бросаю взгляд на экран телефона и громко хмыкаю, хотя мне совсем не смешно.

Моя «паранойя» сейчас смотрит на меня с экрана моего телефона… и ржёт, нет. Просто ухахатывается надо мной.

Красивые длинные женские пальцы с красными аккуратными ноготками лежат на широкой рельефной груди моего мужа. На тонком запястье красиво играют бликами бриллианты… Он подарил Ей браслет из нашей новой коллекции.

Моей коллекции.

Тихо хмыкаю.

Марк не побрезговал подарить любовнице украшение, дизайн которого придумала его жена.

Как же это гадко...

Но его любовнице можно поаплодировать.

Браво!

Она добилась своего.

А я… я жалкая.

Да, Боже! Да!

Я опустилась до того, что последние два месяца слежу в соцсети за бывшей женщиной моего мужа.

А какое к чертям может быть достоинство, когда каждый новый день с момента Её появления в нашей жизни похож на ад?! Когда я вижу, как всё сильнее отдаляется от меня мой муж, как его взгляд становится рассеянным, когда он смотрит на меня… как он улыбается, разговаривая с Ней по телефону, думая, что я не вижу!

Боже… а что я чувствую, когда вечером от него несёт Её духами…

И каждый раз Марк мне врал. В глаза смотрел и говорил, что между ними ничего нет!

Тяжело выдыхаю и ладонью несколько раз провожу по лицу, успокаивая вновь нахлынувшие эмоции.

Нет, я не оправдываю себя, но я видела, как Марк меняется, становится равнодушным… и поэтому да, я опустилась до того, что периодически просматривала Её новости.

И вот сегодня мне повезло…

Снова громкий смешок срывается с моих искусанных губ.

Несказанно повезло.

Впервые Марк прокололся…ну или Она просто устала ждать и решила всё сделать сама.

Наверно я мазохистка, потому что снова читаю подпись под фотографией, которую вернувшаяся из заграницы модель оставила для десятков тысяч своих подписчиков… подпись, которую она оставила для меня…

«Некоторые истории не заканчиваются. Они просто ждут продолжения. Мы снова там, где должны были быть всегда. Я люблю и безумно любима».

Горечь поднимается по сжатому горлу и медленно заполняет рот.

Ядовитая, разъедающая, тошнотворная.

Хмыкаю.

Что ж, Женя. Вот ты и допроверялась…

Что теперь будешь с этим делать?

Дальше глотать его враньё или у тебя всё-таки хватит сил вырваться из этого ада, который Марк устроил тебе?

Сердце в груди болезненно бьётся о рёбра. Увы, любовь к мужу ещё жива во мне… глупая, слепая… и такая сильная... даже втоптанная Его дорогими ботинками в грязь, она ещё живёт во мне…

Снова перечитываю подпись под снимком.

Душа горит в адском пламени.

Медленно. С рваными громкими криками, которые никто, кроме меня не слышит… и невыносимо больно...

Она постепенно превращается в серый безжизненный пепел, который оседает где-то глубоко внутри…

Сколько часов я сижу здесь? Пять? Шесть? Или больше?

Бросаю равнодушный взгляд в окно.

Там уже поднимается кровавым заревом новый рассвет.

Для кого-то это начало новой жизни… а чем он станет для меня?

Даже не вздрагиваю, когда открывается и тихо закрывается входная дверь.

Я слышу, как муж снимает ботинки и шорох его куртки, которую он вешает в прихожей. Потом совсем рядом раздаются его шаги.

Он не идёт в спальню.

Мимо меня, сидящей в темноте кухни, Марк проходит в гостиную. Останавливается у окна.

Я вижу его силуэт – широкие плечи, узкие бёдра, сильные руки… которые столько раз обнимали меня, а сегодня ласкали Её...

Рвано стучащее в моей груди сердце болезненно сжимается, пропускает удар, а потом яростно вбивается в рёбра. Оно помнит его… но не зовёт больше.

Марк растирает лицо ладонями, потом нервно запускает в свои и без того взъерошенные волосы пальцы и путает их ещё сильнее.

Позволяю себе полюбоваться им.

В последний раз.

Пока он ещё не заметил меня. Пока между нами ещё есть эти несколько секунд… в которых я всё ещё та самая Женя, которая ещё безоговорочно, отчаянно любит…

Чёрт…

Закусываю губу и, чтобы не растягивать эту невыносимую боль, я ногой задеваю ножку стола.

Кофейная ложечка бьётся о чашку с остывшим кофе и тонким жалобным «дзынь» наполняет мёртвую тишину кухни.

Пальцы покалывает от напряжения.

Раз.

Два.

Три.

Три секунды.

Три удара моего сердца.

Марк медленно оборачивается.

Рассветные лучи падают на его бледное лицо, и он щурится, но замечает меня.

В первое мгновение я даже вижу в его глазах растерянность.

Настоящую.

Он не ожидал увидеть меня здесь.

Потом он хмурится. Смотрит на меня внимательнее, и я замечаю, как его глаза темнеют, челюсть сжимается.

Марк молчит… а потом делает шаг ко мне. Второй. Третий.

Но я останавливаю его уверенно произнесённым:

- Не подходи.

Глава 2

Марк

Я не знаю, как это произошло.

Вернее…

Чёрт.

С силой бью рукой по рулю, и кожаная оплётка жалобно скулит под моей ладонью.

Наклоняю голову вниз и шумно выдыхаю.

- Блядь…

Да, всё я знаю!

Сорвался. Я просто сорвался!

Хватить врать уже хотя бы себе!

Хватит!!!

Опускаю голову и упираюсь горячим лбом в лежащие на руле руки. В висках тарабанит бешеный пульс. Во рту привкус какой-то кислятины, будто наелся чего-то тухлого… но так и есть, в общем-то.

Наелся.

Дорвался.

Нажрался досыта.

Прошлое таки нагнало меня.

Чёртово прошлое, которое я столько лет убеждал себя, что забыл.

Выдрал из себя с мясом, закопал и похоронил.

Ага. Как же.

Если забыл, тогда нахрена ты её взял на работу, придурок?!

Зачем?!

Какого лешего ты снова подпустил её к себе?!

Какого хера ты вообще трубку взял, когда она позвонила?!

Да с ней просто даже разговаривать не нужно было, не то, что встречаться!

Вычеркнуть. Забыть. Уничтожить!

Но ты же покуражиться захотел!

Пройти по грани.

Показать всё, чего добился за эти годы.

Ну что? Показал??

Доволен теперь?!

Ой, дурак…

Сердце заполошно колотится за грудиной.

Громко, рвано и некрасиво, как у загнанного зверя.

Шумно выдыхаю.

Пальцы крепче сжимают оплётку руля. Тишина в машине не просто давит… она не даёт дышать, не даёт думать, ломает…

Ладно.

Хорошо, блядь.

Могу хотя бы себе признаться – ни черта я её не забыл. Не получилось. Больше десяти лет пытался – не вышло.

Или это просто грёбаный гештальт, о котором так много говорят?

«Просто».

Хер там «просто».

Ну закрыл я его и что?! Легче стало?!

Ни черта!

Сижу теперь в собственной машине и обтекаю.

Ещё и Женьку втянул во всё это дерьмо…

Достаю из бардачка сигареты и выбиваю из пачки одну. Закуриваю. Затягиваюсь.

Открываю окно.

Горький дым быстро ползёт по горлу, пробирается в лёгкие, и хотел бы я сказать, что курение успокаивает, но, увы, мысли так и кипят в моей башке, и, похоже, ничем их не выкуришь оттуда.

Женька.

Почему я женился на ней?

Наверно потому что в какой-то момент понял – нужно идти дальше. Нельзя вечно жить с призраком и рвать душу воспоминаниями. А Женя… не знаю, чем-то зацепила она меня.

Я даже решил, что влюбился. Мне нравилось, что с ней всё было тихо, спокойно, без бешеных эмоциональных качелей и дикого пожара в крови.

Предсказуемо? Скучно?

Возможно, но я к Женьке и правда привык.

Она же как лучик солнца – яркая, тёплая, живая.

Родная. Моя… И почему я это понял только сейчас?!

Почему сейчас, когда уже ПОЗДНО!!!

Та бестолковая махина, что рвано шерачит у меня в груди, болезненно спотыкается.

- Сука-сука-сука! – рычу сквозь зубы от бессилия что-то исправить. Кулак снова врезается в руль.

На душе такая погань, что самому тошно.

Вина жжёт изнутри. Ломает, разносит меня в кровавое месиво.

Дышу тяжело.

Зло вышвыриваю в окно высосанный до фильтра бычок и продолжаю сидеть в машине у нашего с Женей дома. Не могу заставить себя выйти. Сейчас, пока я здесь, внутри теплится крохотная надежда, что ещё можно отмотать назад.

Глупо.

Да, знаю.

Но кажется, как только я войду в дом – всё окончательно рухнет.

И как же чертовски я оказываюсь, блядь, прав…

Глава 3

Марк

Усилием воли заставляю себя выйти из машины.

Холодный ночной воздух резко бьёт в лицо, и на секунду становится чуть легче дышать… но только на секунду.

Шагаю к входной двери медленно, словно иду на казнь. Осторожно, как жалкий воришка, вхожу в собственный дом. Тихо снимаю ботинки, аккуратно вешаю куртку… и жадно вдыхаю носом воздух.

Здесь не воняет приторно сладкими духами Нины, которыми, кажется, я пропах насквозь.

Нет, тут знакомо пахнет выпечкой. И цветами, которые я вчера подарил Жене, чтобы заткнуть свою совесть.

Шумно выдыхаю. Вина царапает горло.

Да. Вот такой я идиот.

И всё равно здесь пахнет домом.

Нашим домом, в который я уже два месяца таскаю на своих подошвах грязь... а сегодня и вовсе полностью…

Зараза.

Разворачиваюсь. Бросаю взгляд вверх на лестницу, но в спальню не иду – не могу.

Не имею права заходить к ней сейчас, пока от меня разит сексом и другой женщиной.

Хотя я час тёр себя в душе гостиничного номера, до красноты, до боли сдирая кожу, но мне до сих пор кажется, что от меня воняет приторной сладостью Нины…

Прохожу в гостиную. Встаю у окна.

За стеклом небо медленно, тяжело наливается красным. Кровавые лоскуты тянутся по тёмному небу, разрывая его на части, а я смотрю на них и думаю, что раньше мне нравился рассвет. Я любил этот восхитительный момент, когда ночь сдаётся и отступает.

А сегодня я хочу, чтобы всё вернулось назад.

Солнце. Ночь. Время.

Пусть. Всё. Вернётся!

Мне хватает нескольких секунд, чтобы принять единственно верное решение – Женя ни о чём не узнает. Никогда.

Я сегодня же! Утром! Расторгну контракт с Ниной. Вычеркну её из нашей жизни так же быстро, как она в неё вошла.

Нины не будет. Женя не узнает о моей ошибке и всё будет…

Дзынь…

Тихий звон металла о фарфор разрывает густую тишину.

Один звук. Тонкий, почти невесомый, а бьёт как колокол. Оглушает.

Нутро мгновенно сжимается в ледяной комок. Воздух застревает в горле.

Медленно оборачиваюсь.

Между кухней и гостиной у нас нет перегородки, только две колонны, поэтому мой взгляд выхватывает Женю из темноты сразу. Она сидит за столом в своём синем домашнем платье. Спина идеально прямая. Руки на столешнице. Перед ней стоит её любимая чашка… и телефон лежит рядом.

В этот момент я отчётливо чувствую, как в мой висок упирается дуло, и холодный металл царапает мою покрывшуюся испариной кожу.

Сердце сжимается.

Впиваюсь жутким отчаянным взглядом в её лицо… и в эту же секунду я понимаю – Женя всё знает.

Нет, на её лице нет слёз... но она смотрит на меня таким равнодушным… пустым, мёртвым взглядом.

От него становится невыносимо больно.

В Женьке нет ничего… словно весь свет из моей девочки выкачали.

Делаю шаг к ней. Хочу её обнять, успокоить, объяснить… но разве это возможно?

Нет.

Второй шаг, третий, и я ещё на метр к ней ближе. Иду словно по минному полю. Ноги не слушаются. Внутри меня колошматит так, что я едва стою.

- Не подходи. - тихо, сухо, без надрыва.

Два слова. Они влетают в меня как пули и прошибают насквозь.

В её тихом голосе – ни-че-го. Ровно. Ни одной эмоции… и это хуже крика… хуже любого крика, который я мог бы вынести… но только не эту равнодушную пустоту.

Молчу.

Не знаю, что я могу сейчас сказать.

Серьёзно – что?!

Прости? Я облажался? Это не то, что ты думаешь?

Это дерьмо говорят мужики, когда их застают с другой бабой?!

Шумно выдыхаю. Секунда. Две… и я шагаю к ней.

Плевать на запреты.

Да, я обидел её, раздавил, унизил… но я всё исправлю.

Я. Всё. Исправлю!

Сердце бешено бьётся в горле.

Никогда не думал, что так прикипел к жене.

Ни черта не знаю, когда это случилось, но сейчас нутро всё завязывается в тугой узел от страха потерять Женьку.

Останавливаюсь в паре метров от неё, когда она резко поднимает руку.

Холодный взгляд её серых глаз обжигает злостью.

Ну хоть какая-то эмоция…

- Я сказала – не подходи, - шипит сквозь зубы, глазами гневно зыркает на меня.

Вот сейчас я чувствую, как она кипит внутри, хотя снаружи ледышка.

- Жень…

Плевать на всё!

Подхожу к ней вплотную. Смотрю сверху вниз. Взглядом жадно обвожу её бледное лицо, чёрную макушку.

Я же ещё могу всё исправить?

Женя поднимается.

Мы застываем напротив друг друга.

Я каждой клеточкой тела чувствую её холод.

Наказывает.

Ладно.

Пусть.

Заслужил.

Только пусть будет рядом!

Взгляд сам ползёт ниже, и я вижу, как высоко поднимается и опускается её грудь… слишком размеренно для человека, у которого внутри всё полыхает.

Сдерживается моя девочка.

Не тороплю её.

Руки не протягиваю. Не касаюсь даже дыханием… хотя безумно сильно хочу обнять её и впиться в её губы. Забыть всё, что случилось ночью. Стереть. Смыть с себя чужие касания.

- Женька… - хриплю, и собственный голос больно бьёт по оголённым нервам разрядами тока.

Её глаза смотрят в мои. Всё такие же – сухие и стеклянные.

Не выдерживаю. Поднимаю руку, что убрать за ухо прядь её волос… и в этот момент щёку обжигает короткий удар.

Женя бьёт резко, звонко, больно.

Голова чуть мотается в сторону. Щека горит.

Не двигаюсь.

Не отступаю.

Нутро выворачивает наизнанку, плющит, ломает. Я понимаю, что Женя уже вынесла нам приговор, поэтому...

Смотрю жене в глаза… и шепчу:

- Прости меня.

Глава 4

Женя

Слышать эти слова больно.

Они врезаются под рёбра раскалёнными острыми лезвиями и ранят, режут, раздирают меня изнутри.

Ладонь горит. Сердце сжимается, замирает на долю секунды… а потом срывается в дикий, безумный галоп. Ледяная дрожь волной проходит по коже, и я сжимаю ладони, чтобы не выдать, как трясутся руки.

- Простить тебя? - шепчу.

Держу голос холодным, ровным, но он всё-таки срывается. Губы не слушаются, и на лице появляется горькая кривая ухмылка.

Вот так просто у него всё, да?

Раз и забыть всё.

Понять и простить… а то, что он уничтожил меня?

Сердце выдрал и растоптал не задумываясь… с этим мне что делать?

Внутри разливается холод, а злость горячими огненными языками облизывает душу.

- Ты два месяца врал мне в лицо, убеждал, что она для тебя ничего не значит, а я просто ревнивая истеричка! – задыхаюсь эмоциями. Облизываю пересохшие губы. Смотрю мужу в глаза. – Два. Грёбаных. Месяца. Марк.

- Я этого не планировал, Жень. Всё произошло… случайно… - глухо произносит и сам давится своими словами, а в его лживых глазах я вдруг вижу боль.

Только вот я ни черта не верю в неё.

Любовь ко мне Марк тоже красиво разыгрывал.

Так убедительно… и жестоко.

Я ни разу не засомневалась. А на самом деле – всё было ложью.

Три. Года. Вранья.

Три года моей жизни.

- Катись к чёрту со своими извинениями, Марк, - шиплю, и каждый звук лезвием режет горло.

Пальцы сжимаются в кулаки.

Успеваю заметить, как темнеют синие глаза мужа, наливаются гневом, а в следующее мгновение его руки впиваются в мои предплечья и резко притягивают меня к себе, впечатывают в напряжённое тело.

Его запах накрывает меня с головой.

Родной… ненавистный и чужой теперь.

Задыхаюсь. Обжигаюсь этой близостью.

- Пусти! – резко дёргаюсь назад.

Но Марк притягивает ближе. Обнимает так крепко, что становится невозможно дышать.

- Женька, - горячо шепчет над ухом, касается кожи своим дыханием. - Я уволю её сегодня же. Сегодня, слышишь? Она исчезнет, и я клянусь тебе…

Такой надрыв в голосе, а мне хочется смеяться.

Фальшь. Всё, что он говорит, насквозь фальшиво.

- Хватит. – одно слово. Резко, как удар плети. – Измену… твоё враньё я никогда не прощу, Марк.

Он злится.

Воздух вокруг нас искрится напряжением.

Я чувствую, как каменеет тело Марка. Он дышит тяжело, шумно.

А через несколько секунд отстраняется от меня ровно настолько, чтобы увидеть моё лицо, зло смотрит в глаза.

- Чего ты хочешь от меня? – хрипит. – Да, я облажался. Мне не стоило этого делать. Но я всё исправлю. Между нами ничего не изменилось. Мы забудем про этот инцидент.

Не выдерживаю и смеюсь.

Громко. Надрывно.

Он правда верит в то, что говорит?

- А почему ты не спрашиваешь, как я узнала, Марк? – смотрю в его глаза, хотя сейчас это приносит безумную боль. – Ты вообще знаешь, что сделала твоя любовница?

Муж хмурится. Его взгляд тяжелеет, васильковые глаза наливаются опасной темнотой. В них плещется буря.

С ненавистью смотрю на Марка. Дёргаюсь в его руках, и он ослабляет хватку.

Наконец-то.

Вырываюсь.

Сердце бешено колотится в груди.

Поворачиваюсь к столу и подрагивающими пальцами подхватываю свой телефон.

- Полюбуйся. – поворачиваю вспыхнувший экран к мужу. – Узнаешь? Красиво, правда?

Марк грубо вырывает у меня телефон. Всматривается в экран, и я вижу, как желваки начинают ходить по его скулам.

- Нравится? – спрашиваю грубо, а внутри всё разрывается от боли. – И это видела не только я, Марк. Это видели все. Десятки тысяч человек. Её подписчики. Наши клиенты. Мои коллеги. Все.

Мой голос с каждым словом становится тише, а глаза мужа опасно сужаются.

- Я разберусь. Через час этого поста нигде не будет.

Качаю головой.

- А что ты сделаешь с людьми, Марк? Хочешь посмотреть, что пишут в нашем рабочем чате?

Он впивается в меня своим тяжёлым взглядом.

- Никто не посмеет…

- Не посмеет что?! – впервые так грубо перебиваю мужа. – Смеяться и называть меня дурой, у которой под носом муж крутит роман с моделькой и дарит ей созданные мной же украшения?

- Я сказал – разберусь. Никто ничего не скажет тебе. – цедит сквозь зубы.

Расправляю плечи, руки скрещиваю на груди.

- Ты прав – никто ничего мне не скажет, потому что я увольняюсь, Марк. Унижать и вытирать об себя ноги, я не позволю.

Глава 5

Женя

- Ты прав – никто ничего мне не скажет, потому что я увольняюсь, Марк. Унижать и вытирать об себя ноги, я не позволю.

Говорю это уверенно, чётко, потому что это решение зрело во мне несколько часов, пока я сидела здесь и до тёмных кругов перед глазами пялилась на эту чёртову фотографию… а потом посыпались уведомления о новых сообщениях в нашем чате.

Я не читала их, но обрывков фраз было достаточно, чтобы понять – дальше работать в компании Марка я не буду. Не хочу, чтобы на меня смотрели с жалостью, не хочу слышать тихий шёпот за спиной и чей-то уродливый смех.

Не хочу видеть мужа и его любовницу.

И мне совершенно плевать уволит он её или нет.

Он уже сделал свой выбор, и, увы, им оказалась не я.

Марк выбрал прошлое.

Красивое. Длинноногое. Манящее.

А я выбираю себя.

После моих слов настроение Марка резко меняется. Маска виноватого мужа, которую он так неумело нацепил на своё лицо, трескается, обнажая его настоящее нутро.

Муж прищуривается.

И как же ему не нравится то, что я сказала.

Отчётливо вижу это по его глазам – они теряют свою густую синеву и становятся практически чёрными, холодными, опасными.

Ледяными.

Мы замираем напротив друг друга, и воздух между нами с каждой секундой всё сильнее искрит.

Дыхание тяжелеет.

Мне становится страшно.

Марк никогда не был таким со мной. Даже в самые страшные наши ссоры он не вёл себя так.

Едва ловлю взглядом быстрое движение справа – мой телефон с гулким стуком бьётся о стол.

Я вздрагиваю, а в следующую секунду страх новым разрядом тока проходит под кожей – Марк резко наклоняется вперёд и его сильные пальцы смыкаются на моей шее.

Закашливаюсь.

Давлюсь застрявшим в горле воздухом. Своими пыльцами пытаюсь разжать его, но ничего не получается.

Лёгкие сжимаются и горят, требуют кислорода… но его нет. Только железная хватка Марка на моём горле.

Муж нависает надо мной. Лицо бледное, злое, хищное. Его челюсти сжаты так, что я слышу, как скрипят зубы.

Взгляд тёмный, опасный, как у хищника рядом с добычей.

- Даже не думай об этом, - шипит сквозь сжатые зубы.

Он впивается своим жутким взглядом в моё лицо, и я чувствую, как все волоски на моей похолодевшей коже приподнимаются в ужасе.

Большим пальцем Марк проводит по моей шее – медленно, почти ласково… и от этого мне становится ещё страшнее.

Он скользит по тонкой пульсирующей вене, которая отчаянно бьётся под его пальцем.

- Отпу… сти… меня, - рвано выдыхаю.

Не кричу.

Не потому что не хочу – просто все звуки застревают в моём сжатом его сильной рукой горле и превращаются в жалкий писк, который даже я сама едва слышу.

Сердце бешено колотится в груди – так, что, кажется, ещё немного и рёбра треснут.

А Марк продолжает опасно спокойным голосом, как палач, который зачитывает мне приговор:

- Только попробуй дёрнуться, Женя.

Он наклоняется ко мне ниже. Я чувствую его горячее злое дыхание на своём лице.

- Я хотел решить эту небольшую проблему по-хорошему. Я бы дал тебе всё: путёвку на Мальдивы, новую машину, слетал бы с тобой в Европу в эту ебучую оперу… Но вижу, что ты не настроена на диалог. Жаль. – он глубоко вдыхает воздух у моего лица, смотрит в глаза, руку с моего горла не убирает. А я горю от нехватки кислорода и того кошмара, в который муж окунает меня. – У нас контракт, который я не дам тебе разорвать. – каждое его слово, как удар, как пощёчина. … как плевок в душу. – А если ты сейчас меня не услышишь и продолжишь дурить…

Молчит.

Ждёт.

Наслаждается моим страхом.

Чудовище.

- Я. Тебя. Уничтожу. – чеканит каждое слово, забивая на подкорку. – Смешаю с грязью твою репутацию. Сделаю так, что вход в ювелирное дело будет для тебя закрыт. Навсегда. Подумай ещё раз хорошо, Женя.

Облизываю пересохшие губы. Лёгкие горят. В голове шумит сбитый пульс.

- Надеюсь, мы поняли друг друга. – шёпотом бьёт по моим обескровленным губам.

Ещё пара секунд глаза в глаза.

Я смотрю в его чёрные ледяные провалы, которые ещё вчера были синими, как тёплый ласковый океан, и не узнаю человека, который стоит передо мной.

Марк убирает свою руку резко, так же быстро, как минуту назад сжал моё горло.

Отшатываюсь назад. Отступаю, пока спина не упирается в стену.

Холодной ладонью обнимаю саднящее горло.

Там, где были его пальцы, кожа горит.

Жадно хватаю ртом воздух. Он врывается внутрь резкими большими глотками и обжигает лёгкие.

Не спускаю взгляда с мужа.

Он стоит на том же месте. Руки в карманах брюк. Белая рубашка сверху расстёгнута на две пуговицы.

Красивый. Идеальный… и лживый насквозь.

Марк смотрит на меня, и по его лицу расползается отвратительная улыбка.

- А теперь иди спать, любимая. Я улажу вопрос с этим глупым постом и присоединюсь к тебе.

Его «любимая» хлещет по лицу больнее пощёчины.

Сглатываю вставший в горле ком. Понимаю, что это лучший шанс уйти сейчас, поэтому заставляю себя медленно подойти к столу. Взгляда с довольного лица мужа не спускаю. Подхватываю пальцами свой телефон, прохожу мимо Марка.

Он не делает ни одной попытки снова схватить меня или приблизиться.

И это отлично, потому что больше его «внимания» я уже вряд ли выдержу.

Быстро взбегаю вверх по ступеням и закрываюсь в нашей спальне.

Сердце безумно бьётся в груди, и руки дрожат, когда я ищу в контактах единственного человека, который может мне помочь сейчас… если захочет конечно… но об этом варианте я стараюсь не думать.

Нажимаю вызов и слушаю такие же громкие, как удары моего сердца, гудки, и закрываю глаза от облегчения, когда слышу хриплое:

- Алло.

Глава 6
Женя

- Алло. – хрипло, сонно, недовольно.

Но на моём лице расползается глупая улыбка, просто потому что он взял трубку.

Три года.

Три года мы не разговаривали, а Сашка отвечает и произносит «алло» таким тоном, будто мы расстались вчера вечером, а сейчас своим звонком я бужу его на учёбу.

- Мелочь, ты вообще видела, сколько сейчас времени?

Мелочь.

Он всегда так меня называл. С самого раннего детства.

Я всегда злилась.

Ну какая я мелочь, когда я старше брата на два года?!

Но сейчас это слово попадает прямо в грудь и разжимает ржавые железные оковы, в которых мне все эти три года безумно сложно было дышать.

- Сашка… - тихо тяну.

И всё.

Больше не могу сдерживаться.

Слёзы встают в глазах прозрачной пеленой, и саднящее горло снова сжимается.

- Жень, ты чего? – голос брата мгновенно меняется, в нём появляется тревога... живая, острая, настоящая. – Что с тобой?

Губы сами собой складываются в кривую, дрожащую улыбку.

- Сашка, ты был абсолютно прав.

Несколько секунд я слушаю в трубке молчание.

В памяти ярко, как вспышка проносится воспоминание – Сашка стоит в дверях родительской квартиры за три дня до свадьбы. Злой. Бледный. Раздражённый. Смотрит на меня и говорит: «Не выходи замуж за этого гандона, Женька, прошу тебя».

Именно так – «гандон».

Я тогда жутко обиделась. Наговорила ему кучу всего… резкого, обидного, несправедливого. И выставила за дверь.

А он был прав.

Абсолютно прав.

Как жаль, что тогда я, влюблённая по уши дурочка, этого не понимала.

- Что. Он. Сделал? – Сашка тихо, слишком тихо выдыхает.

Слышу, как у него с громким звоном что-то падает и разлетается на куски.

- Вот чёрт… - шипит, но не отключается. – Жень, погоди, я сейчас.

- Порезался? – мой внутренний рубильник снова переходит в положение «старшая сестра».

- Да, немного. Ерунда. – слышу его быстрые шаги, шорох, звук выдвигаемого ящика, бряцание склянок. – Ты только трубку не бросай! Слышишь?!

- Да-да. Я здесь.

Медленно съезжаю по деревянному полотну двери на пол, прислоняюсь к нему спиной и слушаю, как Сашка тихо шипит и матерится, обрабатывая порез.

Спальня вокруг меня медленно, но неумолимо светлеет – рассветные лучи пробиваются сквозь тяжёлые бежевые шторы и ложатся на светлый паркет бледными полосами.

Усмехаюсь.

Только сейчас понимаю, что всё в этой комнате идеально, ровно… и мёртво.

Как мой брак.

- Всё, - говорит Сашка слишком громко. – Я сейчас приеду. Вещи собирай.

Он замолкает, но по его дыханию я слышу, как он мнётся.

Секунда. Две. А потом всё-таки спрашивает:

- Ты же за этим мне звонишь? Скажи, что ты наконец уходишь от этого говнюка.

Закрываю глаза.

Кожа на шее, там, где были пальцы Марка саднит, пульсирует, напоминает.

Выдыхаю.

Молча киваю… глупо, Сашка ведь не видит.

И едва шевелю губами, отвечаю на грани слышимости:

- Да.

Но он слышит.

- Вот и отлично! Я уже еду, Жень!

В трубке раздаются гудки.

Кладу телефон на пол и сижу, затылком упираясь в дверь и по-прежнему держа глаза закрытыми.

Пальцы мелко подрагивают на коленях. В голове – тишина и абсолютная пустота, словно из меня выкачали всё – жизнь, душу, эмоции. Такая особенная пустота, которая наступает ненадолго после сильного удара, когда настоящая боль ещё не пришла, но тело уже знает, что она непременно будет.

Мягкая ткань синего платья собирается складками под моими ладонями. Тяну её машинально то в одну сторону, то в другую… и смотрю в никуда.

Знаю, что нужно собрать вещи.

Заставляю себя мысленно составить список самого необходимого.

Документы, паспорт, страховка – они в верхнем ящике комода, я точно знаю.

Ноутбук, планшет и блокнот с рабочими эскизами – всё осталось в сумке, я их вчера не вынимала.

Из одежды возьму только самое необходимое, остальное… наверно придётся покупать, потому что возвращаться сюда я не буду.

Опираюсь ладонью на дверь и поднимаюсь. Осторожно провожу пальцами по шее. Кожа там горит ярким пламенем, и я тихо, сквозь зубы шиплю.

И в эту секунду слышу шаги.

Чёткие. Тяжёлые. Уверенные.

Его шаги по коридору... в направлении двери, за которой я стою.

Холод новой волной прокатывается от макушки до пяток.

Инстинктивно отхожу подальше, вглубь комнаты, не спуская взгляда с дверной ручки.

Она дёргается.

Раз.

Два.

Задерживаю дыхание.

А потом я слышу обманчиво мягкий голос Марка:

- Женя, открой.

Глава 7

Женя

Кажется, все мои внутренности от его голоса покрываются морозной коркой.

Сердце, которое ещё минуту назад бешено колотилось, замирает и боится сделать лишний удар.

- Же-ня, - Марк певуче растягивает моё имя, и совсем ещё недавно любимый голос вдруг приобретает опасные ноты.

В голове мелькает единственная здравая мысль: «Я должна потянуть время».

Мне нужно дождаться Сашки и навсегда убраться отсюда.

Стараясь унять мелкую дрожь, я медленно сжимаю ладони в кулаки и хрипло произношу:

- Ты пугаешь меня, Марк.

Хочу сказать это громко, но получается слишком тихо. Поэтому я заставляю себя сделать два шага вперёд и почти вплотную подхожу к двери.

Между мной и мужем теперь только деревянное полотно. Ничтожная преграда, которая не спасёт, если он действительно захочет войти.

- Уходи, - говорю громче. И сипло добавляю, проглатывая горький ком: - Пожалуйста.

Это слово обжигает язык. Я не должна просить Марка ни о чём. Тем более так… но я прошу, потому что хочу выжить в этом аду.

Тишина за дверью пугает.

Мне кажется, я слышу его злое дыхание.

Глубокое. Рваное. Едва сдерживаемое.

Уверена, Марк сейчас смотрит на ручку и решает… мою судьбу.

А я не дышу.

Слушаю, как пульс глухо, болезненно отдаётся в висках… как набат.

И вздрагиваю, когда муж рукой бьёт по двери.

Не в полную силу. Как предупреждение. Напоминание о том, кто здесь главный… о том, что эту дверь для него ничто не стоит выбить, если Марк действительно этого захочет.

Умом я всё это понимаю, но паника всё равно ледяной волной прокатывается по телу от макушки до пят.

Секунда.

Вторая.

Я не двигаюсь.

Напряжённая тишина невыносимо давит на плечи. Я слышу, как тикают часы на стене. Как скрипит половица под его ногами. Как хрипит моё собственное дыхание… сорванное, паническое, слишком громкое.

Кожа на шее, на которой остались отпечатки его пальцев, горит огнём, напоминая о «любви» мужа.

- Хорошо, - наконец слышится из-за двери, и я тихо протяжно выдыхаю. – Я дам тебе время до вечера.

Нервно сглатываю. Губы пересыхают. Облегчение и страх смешиваются в невозможный коктейль, от которого мутит.

- Но, Женя, - продолжает Марк, и его голос становится слишком тихим… опасным, - вечером мы обо всём ещё раз поговорим.

Молчу.

Надеюсь, что к вечеру меня здесь уже не будет.

Марк ещё некоторое время стоит за дверью.

Я знаю это. Чувствую его присутствие… тяжёлое, давящее, как надвигающаяся гроза. А потом слышу его шаги.

Сначала по коридору.

Медленные. Ленивые. Хищные.

Марк не торопится, потому что уверен: я никуда не денусь.

Потом по ступеням.

Каждый шаг будто эхом отдаётся в грудной клетке… бум-бум-бум.

А дальше наступает абсолютная тишина.

Медленно подхожу к кровати и мешком оседаю на неё.

Матрас прогибается под моим весом. Пальцы впиваются в холодное покрывало.

Голова гудит от жуткого напряжения. В висках болезненно отдаётся хаотичный пульс.

Хочется лечь, зажмуриться и не открывать глаза. Накрыться с головой одеялом. Спрятаться. Уснуть и проснуться там, где нет Марка, Нины и всего, что сегодня произошло со мной.

Организм после всех потрясений просит покоя... но я понимаю, что не могу сейчас этого себе позволить. Поэтому заставляю себя встать.

Тело поддаётся плохо.

Тихо, на носочках, стараясь не издавать лишних звуков, подхожу к шкафу. Дверца открывается с лёгким скрипом, и я замираю, прислушиваюсь… но в коридоре по-прежнему тишина.

Натянутые до предела мышцы медленно расслабляются.

Достаю небольшую спортивную сумку и так же тихо, постоянно оглядываясь на дверь, начинаю скидывать в неё самое необходимое.

Джинсы. Кофта. Футболки. Бельё. Носки.

Пальцы быстро скользят по вещам.

Слышу, как за окном поют птицы. Как ветер колышет листву. Как мир за стенами этого дома продолжает жить своей жизнью… всем безразлично, что здесь внутри ад.

Зубная щётка. Расчёска.

Последними достаю документы из верхнего ящика комода – паспорт, страховка, дипломы… свидетельство о браке. Беру его, понимая, что оно может мне понадобиться, когда буду подавать на развод.

Закрываю сумку. Вытираю покрывшийся холодной испариной лоб.

Оглядываюсь по сторонам. Мысленно отмечаю – ничего ли не забыла… и тихо выдыхаю:

- Всё.

Подтягиваю сумку к двери.

Теперь осталось только дождаться Сашки. Он позвонит, и я, прихватив эту чёрную сумку, рвану на выход.

Только бы успеть проскочить мимо Марка.

Снова смотрю на телефон, но там нет сообщений от брата.

Сжимаю чёрный корпус в руке и жду.

Секунды тянутся как часы.

Моё сердце стучит слишком громко, слишком отчаянно… и резко сбивается с ритма, спотыкается, когда с улицы раздаётся грохот, и через секунду я слышу громкий, пропитанный яростью голос брата:

- А ну открывай дверь, тварь!

Сашка!

Бросаюсь к двери… и замираю.

Потому что снизу уже слышны его шаги.

Глава 8

Марк

Я сижу в темноте гостиной и смотрю в окно.

За стеклом медленно, нехотя светлеет понурое небо... а в полупустом бокале, который я держу в руке, уже растаял почти весь лёд.

Шумно выдыхаю и откидываюсь на спинку дивана.

Закрываю глаза.

Мятая рубашка противно липнет к спине. Железная пряжка ремня больно впивается в живот, но мне на всё плевать.

Я не чувствую ничего.

Сквозь внутреннюю пустоту сейчас пробивается только бешеный громкий стук сердца в ушах.

Я знаю, что сегодня с Женькой перегнул палку. Умом это понимаю, но вина… я не чувствую её. Женя задела то, что трогать нельзя – бизнес, который я поднимал много лет потом и кровью.

Нет, жену я люблю, но никакие чувства не заставят меня разрешить ей порушить моё дело. А на Женьке слишком много завязано.

Делаю глубокий вдох, сильнее сжимаю пальцами резные стенки бокала.

Гоню от себя липкие неприятные мысли о том, что Женя сейчас наверно плачет наверху в нашей спальне.

На душе паршиво.

Открываю глаза, опускаю взгляд на остатки льда в хрустальном бокале, медленно прокручиваю их, и они тихо позвякивают в тишине комнаты.

И всё-таки хорошо, что Женька не дала мне войти в комнату и остаться с ней, потому что мы бы продолжили ссориться, и я бы таких дел натворил…

- Сссукааа… - шиплю на выдохе и делаю жадный глоток – выпиваю всё до остатка.

Виски. Хорошее. Выдержанное. С приятной ноткой вишни, которая появляется на выдохе и гуляет на языке сейчас сладким послевкусием.

Только даже оно не улучшает мне настроение.

Наклоняюсь. Ставлю бокал на низкий стеклянный столик рядом с диваном, и мой усталый взгляд сам цепляется за лежащий там телефон. Равнодушно смотрю, как на его экране быстро гаснет очередное уведомление.

Безопасники работают.

Чистят рабочий чат – удаляют всё без разбору и предупреждают особо болтливых.

Делают всё тихо, методично и профессионально – за это я им и плачу.

Только в голове постоянно всплывает вопрос – а поможет ли всё это?

Чат можно почистить. Переписку удалить. Уволить тех, кто уже успел высказать своё очень важное и ценное мнение, кто уже успел плюнуть в Женьку – люди ведь так любят обсудить чужие грехи и раздать свои ненужные советы.

Но как заткнуть людям рты?

А никак.

Я это знаю. И злость от понимания этого поднимается тягучей горячей волной откуда-то из живота и разливается по телу.

Женя была права.

Тру переносицу. Наливаю себе ещё на два пальца виски. И плевать, что уже без льда.

Чтобы попытаться заткнуть раздражающие мысли, сойдёт.

Да, Женя была права, и здесь, в темноте гостиной, пока один, я это признаю.

Моя жена умная женщина. Иногда даже слишком.

Умная. Красивая. Гордая.

И безумно талантливая.

Когда она пришла ко мне четыре года назад – молодой дизайнер с портфолио, от которого у любого в этом бизнесе перехватило бы дыхание – я всё понял сразу. Ещё до того, как она начала говорить на первом собеседовании. Просто посмотрел на её эскизы, разложенные на столе переговорной, и понял: вот оно.

Вот то, чего мне не хватало.

Женя чувствует камни, видит их так, как другим не дано.

Даже я, кто уже далеко не первый год в этом бизнесе, не смотрел на них под таким углом.

Я не знаю, как это объяснить, но это просто есть или этого нет.

У Жени – есть.

Она берёт сырой необработанный камень, держит его в ладонях и как будто слышит то, чего не слышат другие. Потом садится за стол – и из-под её карандаша выходит уникальное произведение – шедевр, и люди останавливаются посреди выставочного зала, чтобы просто посмотреть на него.

Через полгода её работы у меня мы взяли первое место на Миланской выставке.

Дальше – Берлинский конкурс и снова победа.

Гран-при в Гонконге.

Женевский салон – специальный приз жюри за инновационный подход.

Её имя – моё имя – теперь знают в Европе, Азии, Штатах.

Именно с ней мой Ювелирный Дом – крепкий региональный бизнес – вышел на мировую арену. О нас пишут в профессиональных изданиях, наши работы живо обсуждают коллеги.

Именно с ней я получил всё это… и позволил себе эту идиотскую ночь с Ниной.

Сжимаю бокал крепче.

- Идиот.

Снова ругаю себя, но память – паршивая стерва – услужливо подкидывает картинки сегодняшнего безумия – обнажённая женская фигура в полутьме… сочная, налитая, манящая… Нина стоит у постели и пальцем манит меня, улыбается так, как умеет только она – с томной, ленивой уверенностью в своей власти.

Желание резко бьёт в пах.

Острое, злое, и чертовски неуместное.

Стискиваю зубы.

Сжимаю свободную руку в кулак.

Внутри вспыхивает адский пожар.

Я злюсь на себя.

- Нина, - её имя сладким ядом ложится на губы. – Вот какого чёрта, а…

Пальцами подхватываю свой телефон и нахожу её имя в контактах.

Не хочу себе признаваться, но по телу проходит какой-то сопливый трепет, когда я нажимаю на зелёную кнопку.

Качаю головой и слушаю громкие гудки.

И всё-таки сердце делает кульбит, когда она отвечает:

- Марк, - голос мягкий, тёплый… Нина как довольная сытая кошка на солнце. – Я знала, что ты позвонишь, и ждала.

Слышу, как улыбается.

Сука.

Думает, что поймала крупную рыбу на свой сладкий крючок.

Хер там.

- Удали пост.

Нина замолкает, но я отчётливо слышу её изменившееся дыхание – рваное, тяжёлое, глубокое.

- Что? – тихо, недоумённо.

Красиво играет.

- Ты прекрасно слышала, - равнодушно роняю.

Подхватываю со стола пачку с сигаретами и выбиваю одну. Закуриваю.

Нина молчит.

Затягиваюсь глубоко. Горький дым царапает пересохшее горло. Шумно выдыхаю и пустым взглядом смотрю, как белое облако ползёт вверх, к потолку.

Обычно дома я не курю, но сегодня… сегодня уже плевать на всё.

- Марк, я просто…

- Нина. – произношу слишком тихо, опасно, и она это, конечно, чувствует. Гадко усмехаюсь. Да, мужчин она чувствует очень хорошо. – Удали пост. Прямо сейчас. Пока я ещё разговариваю с тобой нормально.

Слышу, как фыркает.

- Но почему? – в её голосе ни капли… ни грамма вины, растерянности или страха. Она абсолютно спокойна. – Марк, мы снова вместе. Спустя столько лет. Разве это не…

- Мы не вместе. – резко обрываю поток её сопливой чуши.

- Но сегодня ночью…

- Сегодня ночью, - снова грубо перебиваю её, - я допустил ошибку, - говорю чётко, с расстановкой, проговаривая каждое слово, чтобы до неё наконец дошло. – И она больше не повторится.

- Это неправда.

- Ты реально такая дура?! – ярость огнём прокатывается по телу от кончиков пальцев до затылка, - или есть ещё шанс, что притворяешься? Ты понимаешь, что сделала?!

- А что такого? – Нина по-прежнему говорит спокойно и продолжает корчить из себя дуру. Очень удобно конечно! – Мы снова вместе. И да, я хочу, чтобы все об этом знали. Даже твоя жена. Ты же в любом случае уйдёшь от неё.

Упираюсь взглядом в стену напротив.

Несколько секунд просто смотрю. А потом начинаю смеяться.

Громко. По-настоящему.

Блядь. С кем я связался?

- Просто охуеть, - говорю, отсмеявшись, и голос у меня совершенно ровный, тихий… опасный.

Я реально на грани безумия сейчас.

- Марк, прекрати выра…

- Нина. – тушу сигарету, зло сминая окурок в хрустальной пепельнице. – Слушай меня внимательно, потому что я скажу это один раз. – даю ей пару секунд, чтобы пришла в себя. - Ты мне не нужна. Когда-то давно, в другой жизни, всё было по-другому, да. Возможно, я тогда действительно любил тебя. Сейчас уже не вспомню, потому что люблю другую женщину. Свою жену. И ты мне не понадобишься ни сегодня, ни завтра. И да, ты уволена. Утром тебе придёт уведомление. До обеда собери вещи и уматывай на все четыре стороны. Ещё раз увижу рядом – так легко не отделаешься.

Нина шумно выдыхает. Я хочу положить трубку, но решаю дослушать то, что она начинает говорить.

- Марк. – её голос меняется. Самую малость, еле слышно, но я улавливаю. – Ты не можешь уволить меня просто так.

- Могу. – произношу спокойно, потому что выговорился и стало значительно легче, хотя придушить эту суку всё ещё хочется. – Внимательно прочитай трудовой договор, параграф семь, пункт три. Основание для расторжения – дискредитация работодателя в публичном пространстве. Твой пост – это он и есть. Мои юристы уже в курсе и готовят положение о расторжении нашего договора.

Нина молчит. Только её частые вздохи говорят мне, что она ещё слушает.

- А пост, - продолжаю вещать тем же тихим, опасным голосом, - ты удалишь сейчас. Немедленно. Или утром к юридическому уведомлению добавится штраф. Уверяю тебя – сумма тебе не понравится.

- Хорошо, - через несколько долгих секунд выдыхает Нина.

Без истерики и без слёз. Даже её голос остаётся таким же ровным.

Это должно бы успокоить меня.

Но ни хрена не успокаивает.

Резко отрываю задницу от дивана и поднимаюсь. Шагаю к окну.

- Марк, - и снова этот её мягкий, тёплый голос, от которого у меня по коже проходит строй жалких мурашек и волоски на руках приподнимаются. Суки. – Ты слишком устал. Иди поспи хотя бы пару часов.

Даже такое ненавязчивое напоминание о сегодняшней ночи больно проходит по мне наждачкой.

Открываю рот, чтобы осадить эту наглую тварь... но в трубке уже раздаются гудки.

Нина повесила трубку.

Первой.

Холодная волна недовольства спускается по позвоночнику.

Опускаю руку и смотрю на телефон в своей ладони. Несколько секунд стою молча и чувствую, как внутри поднимается что-то, чему я даже не могу дать точного названия.

Это не злость – её я знаю, она другая.

Не ярость или неуместная сейчас обида.

Нет.

Это что-то похожее на лёгкое раздражение.

Беспокойство. Вот что это.

Нина никогда не вешала трубку первой.

За всё время, что мы были вместе – она всегда слушала меня. А сегодня она вела себя по-другому. И мне это не нравится.

Чертовски не нравится.

Какой бы дурой Нина не выставляла себя, она хороший стратег. И она явно что-то задумала.

И пост этот дурацкий она выставила не просто так. Нет. Она метит территорию. Расчищает для себя место.

Она целенаправленно сегодня пришла за мной.

И я попался.

- Ой, дурак… - рычу тихо, сквозь зубы.

Снова падаю на диван и кладу телефон обратно на стол.

Беру бокал.

Смотрю, как янтарного цвета виски медленно плещется за хрустальными гранями.

На улице уже светло и, когда я поднимаю голову и смотрю в окно, этот свет режет глаза после ночной темноты гостиной.

Где-то рядом, в саду наверно, поют птицы. Слышно, как первая машина проезжает мимо нашего дома.

Казалось бы, обычное утро. У всех, кроме нас. Тех, кто сидит сейчас как в золотой клетке в этом доме.

Мои мысли снова возвращаются к Жене.

Сейчас её совершенно не слышно. Ни одного звука не исходит со второго этажа.

Что она делает?

Спит?

Вряд ли.

Когда Женька нервничает, она не может спать.

Сколько раз было, что я находил её перед открытием выставки сидящей в кресле или за столом с графическим планшетом в руках.

И снова мысль о том, что позволить Жене уйти от меня, отпустить её из моего Ювелирного Дома – не вариант.

И не потому что я мужчина, которому нужна жена-трофей.

Нет. Мне на это откровенно наплевать.

Но Женя – это не просто жена – она как приз, который я выиграл в этой жизни.

Женька – это лучшее, что случилось с моим Ювелирным Домом за всю его историю.

Это моё имя и бренд на обложках мировых ювелирных каталогов.

Это четыре международные премии за три года.

Это клиенты, которые звонят лично и просят именно её.

Часто – только её.

Женька – это вложение в бизнес, огромная прибыль и репутация. Которая полетит в чертям, если я отпущу её.

Нет. Она должна остаться рядом.

Наливаю себе ещё.

Да, гораздо больше, чем следовало бы.

Плевать.

Мне нужно найти выход, решить, что делать дальше, а у меня в голове нет ни одного хорошего варианта.

Только плохие и чертовски плохие.

Впервые за долгое время я сижу в собственном доме и не знаю, куда дальше грести и как выбраться из того дерьма, в которое я сам же и наступил.

Делаю большой глоток янтарного пойла.

Оно уже не лезет в меня, но я упорно пью.

Я привык всё просчитывать. Привык держать все нити в своих руках.

Все люди – это же по сути марионетки.

Работники в Ювелирном Доме, горничные, партнёры по бизнесу, Женька… Нужно лишь дёрнуть за правильную нить, и они будут играть по моим правилам.

Я делал это всегда. В большинстве случаев осознанно, иногда – на автомате.

А сейчас одна нить, за которую я держал Женю в своих руках – её любовь ко мне, её доверие и уважение, натянута до предела и грозит лопнуть.

И всё из-за одной ночи, когда я вдруг решил закрыть старый гештальт.

Сжимаю в руке полупустой бокал.

Снова смотрю на светлеющее небо.

Думаю.

Нужно снова, нормально поговорить с Женей. Без того, что произошло несколько часов назад, когда я вышел из себя.

Я понимаю, что напугал её, но я ничего такого не планировал. Просто всё вышло из-под контроля.

На самом деле контроль над собой я теряю крайне редко. И Женя это знает лучше других – таким садистом я не был с ней ни разу.

Она должна понять меня.

Нам просто нужно обо всём поговорить спокойно.

Я должен всё объяснить. Найти слова, которые Женя захочет услышать.

Ей ведь тоже невыгодно уходить от меня и из бизнеса.

Да. Мы найдём выход.

Должны найти.

Наклоняюсь вперёд, делаю последний глоток и опустошаю бокал. Виски уже не обжигает горло, а просто теплом разливается по груди.

Опускаю бокал на стол. Поднимаюсь.

И в эту секунду с улицы раздаётся грохот.

Резкий. Металлический.

Чьи-то крепкие кулаки зло врезаются в наши ворота снова и снова.

Что за дерьмо?!

Иду к выходу и слышу громкое, резкое знакомым голосом:

- А ну открывай дверь, тварь!

Медленно поднимаю голову. Недобро усмехаюсь.

Отвращение холодом проходит по телу.

Сашка.

Значит, Женька братцу своему всё-таки позвонила.

Останавливаюсь посреди коридора. Машинально одёргиваю мятую рубашку.

Глубокий вдох и резкий шумный выдох.

Шагаю к двери.

Медленно схожу по ступеням крыльца, пересекаю двор и открываю злосчастную калитку.

Сашка тут же свои кулаки впечатывает мне в грудь и заталкивает обратно во двор.

Металлическая дверь за нами громко недовольно хлопает.

- Ну привет, Сашок, - бросаю ехидно и одним движением отшвыриваю его наглые клешни от себя. – Давно не виделись. – взглядом его полосую, но этому упырю хоть бы что.

- Заткнись! – бросает он мне сквозь сжатые зубы. - Где Женя?!

- У себя, - говорю ровно.

Очень хочется посмотреть, что этот сосунок в этой ситуации сделает. Подрос всё-таки. Три года с ним не виделись. Вон каким кабаном стал.

Нет, Женьку я ему в любом случае не отдам, но на жалкие трепыхания его посмотрю.

Сашка застывает напротив меня. Злой. Взъерошенный. Светлые голубые глаза горят яростью, кулаки сжаты, ноздри раздуваются.

- Так зачем пожаловал спустя столько…

Он не даёт договорить.

Толкает меня в грудь.

Резко, сильно, с разворота.

Отшатываюсь назад. Спиной бьюсь о кованые ворота. Острая боль вспыхивает между лопаток, а злость с новой силой разливается по телу.

А Сашок заходит дальше на мою территорию. Я шагаю за ним по гравийной дорожке. Камни слишком громко хрустят под ногами.

- Я не к тебе приехал, гандон, - выплёвывает слова этот молодой кабан. – Я приехал за сестрой.

- Она с тобой никуда не поедет.

- А вот это уже ей решать! – заявляет и оборачивается.

Останавливаемся у крыльца на гравийной дорожке.

- Женя никуда не уйдёт. У нас контракт.

- Засунь себе в задницу свой контракт! – он делает шаг вперёд, на меня. Я не отступаю. – Что ты ей сделал? – спрашивает и взглядом меня буравит.

- Не твоё дело.

- Женя – моя сестра. И это моё дело защищать её от таких тварей, как ты.

- От таких, как я? – складываю руки на груди и усмехаюсь. – А кто тебе машину подарил, Саша? Кто помог с квартирой? Кто вытащил твою задницу из долгов?

Он сжимает кулаки. Пальцы хрустят.

- Это не даёт тебе права…

- Даёт, - резко перебиваю. – Я дал вам обоим всё. Дом. Работу. Стабильность. А ты приезжаешь ко мне и смешиваешь меня с дерьмом. – гаркаю.

Мы стоим друг напротив друга. Тяжело дышим. Воздух между нами искрит, как перед грозой.

- Женя! – кричит Сашка, поворачивая голову к дому. – Выходи!

В ответ только тишина.

Надеюсь, у Женьки хватит ума не выходить к нам.

- Женька! – громче.

И дверь дома открывается.

Женя выходит на улицу в лёгком спортивном костюме. Чёрные длинные волосы собраны в высокий хвост.

Она выглядит идеально, только лицо слишком бледное и глаза красные.

Плакала.

Опускаю взгляд ниже и замечаю, как Женя сжимает рукой край кофты у самой шеи… скрывая от брата мои отпечатки… следы моих пальцев на её молочной коже.

И почему-то мне нравится думать об этом, смотреть. Представлять, как эти следы остаются там. Навсегда. Как клеймо. Как знак моей собственности.

Женя – моя.

Даже если сейчас ненавидит.

Даже если боится.

- Прекратите, - голос Жени тихий, срывающийся. Она быстро подходит к нам ближе. – Прекратите оба.

Она смотрит на меня. Потом на Сашку.

- Жень, собирай вещи, - её брат-долбоёб делает шаг в сторону, к ней. – Я забираю тебя.

Медленно поворачиваю голову к нему и тихо, опасно чеканя каждое слово, бросаю ему в лицо:

- А что деньги, которые я дал тебе, уже закончились? Решил под шумок ещё поживиться?

Глава 9

Женя

Злые слова мужа хлещут меня по щекам.

Резко перевожу взгляд на побледневшего Сашку. Его ноздри раздуваются от гнева, на скулах ходят желваки. Он не смотрит на меня – их с Марком взгляды сражаются друг с другом, и воздух между ними искрит, как оборванный высоковольтный провод.

- Саш… - начинаю, но голос ломается.

Я совершенно не знаю, что сказать.

Мне так плохо, будто нож в сердце воткнули по самую рукоять.

«…деньги, которые я дал тебе, уже закончились?»

Нет…

Сашка… он же не мог…

Смотрю на брата. На его сжатые челюсти. На руки, которые он прячет в карманы, но я всё равно вижу – там кулаки.

- В машину, Женя, - цедит Саша сквозь зубы, а взгляда своего по-прежнему с Марка не спускает. – Я всё дома тебе объясню.

- Дома, - усмехается Марк. Он стоит, сложив руки на груди, и мерзко улыбается. – Ты хочешь сказать – в квартире, которую я тебе, кабану молодому, купил? Чтобы ты Женьке мозг больше не выносил и здесь не показывался?

- Именно, - скалится брат.

Грудь его ходит ходуном. И даже отсюда я чувствую исходящий от него жар – Сашка кипит.

- А ты и не догадывалась, какой продажный у тебя брат, Жень? – Марк переводит взгляд на меня и внимательно разглядывает моё лицо. Он ждёт реакции… ждёт, когда я сломаюсь. Более того – он этого хочет. – А ты думала, он из-за вашей ссоры не появляется у нас три года. - смеётся.

Молчу.

Мне нечего ответить.

Сердце громко бьётся высоко в горле, мешая дышать.

Марк делает шаг ко мне… одно медленное, ленивое движение хищника.

Впивается своим потемневшим взглядом в мои глаза.

- Он просто продал тебя, Женя.

Нож проворачивается в моей груди. Боль прошивает насквозь – от рёбер до позвоночника. Я чувствую, как немеют пальцы. Как холодная дрожь поднимается откуда-то изнутри.

«Он просто продал тебя».

«Продал».

«Тебя».

Эти слова звучат в моём сознании снова и снова.

Я не могу заставить их замолчать… хотя отчаянно хочу этого!

- Не слушай его. – Сашка говорит тише, осторожнее. Но его слова уже с трудом пробиваются сквозь сумасшедший гул в ушах. – Иди в машину, Жень.

Поднимаю взгляд на брата и сталкиваюсь с его голубыми глазами.

Я вижу, как Сашка встревожен… испуган. Чёрные волосы взъерошены, и сейчас он снова нервно проводит по ним своей пятернёй.

«Продал тебя».

Зажмуриваюсь.

Сильно. До белых точек перед глазами.

Потираю виски пальцами. Провожу ладонью по шее… машинально, не думая… и вздрагиваю от боли.

- Что это?

Брат спрашивает так тихо, что мне становится страшно. Его вопрос словно холодное острое лезвие касается моей кожи.

Быстро поднимаю ворот кофты обратно. Пальцы дрожат, не слушаются, ткань скользит… но Саша уже всё видел.

Он в один шаг преодолевает расстояние, разделяющее нас. Осторожно, будто я хрустальная, убирает мои пальцы и отгибает ворот обратно.

Боже...

Боюсь посмотреть на него.

Чувствую только его горячее, сбитое дыхание на своей шее и взгляд, лазером обжигающий кожу.

- Это он? – голос тихий... опасный. – Женька, это он, да?

Обнимаю себя руками. Колючие мурашки рассыпаются на руках от его голоса…

И у меня не получается скрыть от Саши шумный протяжный выдох… и он всё понимает.

- Ах ты падаль! – взрывается брат, резко разворачивается к Марку.

И словно в замедленной съёмке я вижу, как его кулак с хрустом впечатывается в лицо моего мужа, стирая его мерзкую ухмылку…

Глава 10
Женя

Я не успеваю даже вдохнуть.

Кулак Сашки уже впечатывается в лицо Марка с глухим, мокрым звуком.

Голова мужа дёргается в сторону, и ярко-алая кровь брызгами разлетается по его белой рубашке.

Вскрикиваю и в ужасе прижимаю ладони к лицу. Тело обдаёт жаром.

Марк пошатывается. На мгновение мне кажется, что муж упадёт, но он удерживает равновесие.

Проводит тыльной стороной ладони по разбитой губе. Опускает руку и смотрит на яркое пятно крови. Потом медленно переводит свой потемневший взгляд на Сашку.

- Сосунок. – хрипло, опасно выдыхает Марк.

Он смотрит на Сашку устало, красными от бессонницы глазами, и я понимаю – он не хочет драки. Но и не отступит.

Слишком гордый. Слишком уверенный в себе и своей правоте.

Пьяный.

- Ты обидел её! – рычит Сашка и сплёвывает на землю. Его голос – это звериный рык, от которого у меня по коже бегут мурашки. – Ты обидел мою сестру, падаль!

- Она моя жена, - Марк криво усмехается, кожа на разбитой губе натягивается, и алая кровь растекается по подбородку. – Имею право.

Боже… Ну зачем он подначивает его?!

Конечно, после этих слов Сашка бросается на него снова.

Глухой удар в корпус, и Марк сгибается, выдыхает со свистом. Но тут же выпрямляется и отвечает коротко, резко, в скулу. Сашка даже не уклоняется. Принимает удар, и продолжает бить дальше.

Воздух вокруг нас троих густеет, становится липким, почти осязаемым.

Я не могу им дышать!

Меня выворачивает наизнанку, когда я смотрю на сцепившихся, словно насмерть, мужчин.

Слышу, как гравий хрустит под их ногами. Как злое, сбитое дыхание вырывается из их ртов вместе с матом. Как кулаки врезаются в тела… глухо, тяжело и безумно страшно.

- Прекратите! – кричу, но голос срывается и тонет в этом аду. – Сашка! Марк! Прекратите!

Они не слышат.

Сашка снова резко, быстро бьёт в корпус, потом в лицо.

Марк отвечает короткими, но сильными ударами в плечо, в грудь.

Они кружат, как акулы вокруг своей жертвы, желая выдрать из неё кусок повкуснее. Гравий разлетается в стороны из-под дорогих подошв.

Белая рубашка Марка в крови и пыли. Волосы Сашки всклокочены. Мокрые от пота, они падают ему на лоб, закрывая глаза. Но брат их не убирает – диким злым взглядом он смотрит на Марка сквозь них.

- Женя! – брат кричит мне, но не оборачивается – не сводит своих глаз с хмурого Марка. – Забирай вещи и садись в машину!

- Разбежался! – зло гаркает муж и встаёт ко мне спиной, будто желая скрыть меня от брата. – Никуда Женя с тобой не пойдёт.

Сашка не слышит, а я улавливаю в голосе мужа опасные нотки и понимаю, что пора заканчивать всё это.

Пора уходить.

Вижу, как Марк поднимает кулак, как дрожит его рука. Но не от слабости – от напряжения. От того, что он уже на пределе.

- Сашка, нет! – наплевав на всё, бросаюсь вперёд, хватаю брата за руку. – Остановись! Давай уедем. Слышишь? Я беру сумки, и мы уезжаем.

Саша сначала не реагирует и по-прежнему смотрит на только на Марка.

Но потом словно что-то щёлкает в нём, и брат переводит свой взгляд на меня.

Наконец-то!

Марк молчит. Только хмуро исподлобья смотрит на нас. Крылья носа гневно раздуваются, грудь тяжело вздымается, лицо перепачкано кровью.

Он же не думал, что я останусь здесь, с ним?

- Сашка, - силой заставляю брата развернуться к себе, говорю тихо, сбивчиво. – Сашка, прошу, давай уедем отсюда.

- Где вещи?

- Здесь, - рукой показываю на брошенную у крыльца сумку.

Сашка кивает, делает шаг вперёд… а Марк вдруг бросается ему наперерез.

Я открываю рот, чтобы остановить мужа.

И в этот момент за нашими спинами раздаётся тихо, почти ласково, голосом, который я ненавижу:

- Тук-тук. Хозяева дома?

Глава 11

Женя

Удар металла о металл – калитка открывается.

Я медленно поворачиваю голову и застываю… а любовница мужа красиво, с какой-то невозможной, недоступной мне грацией пантеры входит в наш двор.

Длинные ноги. Идеальная осанка. Длинные светлые волосы спадают на плечи. На глазах солнечные очки в дорогой золотой оправе. Синий льняной костюм сидит на ней идеально, как вторая кожа. Такие же синие в тон костюму аккуратные туфли-лодочки останавливаются на гравийной дорожке.

Нина снимает очки.

Смотрит на меня. Потом на Марка. Дальше – на Сашку.

- Доброе утро, - говорит она спокойно и так легко, будто пришла на чай. – А что это у вас тут происходит?

Улыбается.

Гадюка.

Внутри с новой силой заливает обида.

А Нина так уверенно и по-деловому осматривает наш дом, машины, двор… будто это уже её территория, и она сейчас оценивает свои новые владения, решает, что нужно снести, а что просто подрихтовать.

Я не хочу, но мой мозг сам начинает нас сравнивать.

Идеальная Нина. И я. В обычном бежевом спортивном костюме, с растрепавшимися, пока я пыталась разнять мужчин, волосами. С синяками на шее.

Аховая красавица, да.

Горечь растекается на языке. Обида топит с головой.

Разве я могла выиграть соревнование с этой богиней?

Усмехаюсь.

Качаю головой.

Нет.

Этот забег Нина выиграла уже на старте.

Застывшим каменным изваянием стою на лужайке у нашего дома.

Не могу заставить себя пошевелить хоть пальцем. Утренний влажный воздух ложится на кожу холодной паутиной, но огонь внутри меня только разгорается.

Горю. Полыхаю. Умираю от нового витка острой боли.

Видеть любовницу мужа… смотреть на её ядовитую торжествующую улыбку…

Закусываю губу, чтобы удержать внутри готовый сорваться стон… и вдруг чувствую, как твёрдая мужская рука сжимает мою ладонь.

Резко поворачиваюсь.

Отмираю.

Словно кто-то грубо вытолкнул меня из стальных тисков боли, сжимающих мою грудь.

Сашка.

Он смотрит на меня исподлобья. По его скуле течёт алая кровь. Взлохмаченные чёрные волосы падают на лоб… а голубые глаза полны боли.

Такой же, как у меня.

И пусть брат натворил дел. Пусть эти три года между нами была пустота. Пусть даже окажется правдой всё, что сказал сегодня Марк…

Но Сашка единственный мой родной человек.

И он переживает за меня.

Я чувствую это. Вижу. По его рваному, тяжёлому дыханию. По тому, как он сжимает мою ладонь.

Тихо выдыхаю и сама переплетаю наши пальцы.

Поворачиваюсь.

И уже совершенно другими глазами смотрю на любовницу мужа.

Какого чёрта я вообще расклеилась?!

- Нина, - громкий, недовольный голос Марка раздаётся где-то рядом. – Что ты здесь делаешь?

- Мы не очень хорошо поговорили… ночью, - пожимает она плечами и бросает быстрый оценивающий взгляд на меня.

Слёзы мои хочешь увидеть?

Не дождёшься, гадюка.

- Я звонила ещё, но ты не ответил, - продолжает она тем же томным, мурчащим голосом и смотрит на Марка. – Я волновалась.

Волновалась она.

Гадина!

Сашка медленно поворачивается ко мне.

- Жень, - голос низкий, тихий, опасный. Словно брат едва сдерживается. – Это то, что я думаю?

Киваю и чувствую, как Сашкины пальцы сильнее сжимают мои. Его тело снова наливается тягучим напряжением, как перед броском. Дыхание становится глубоким и тихим.

Ещё мгновение и он снова ринется меня защищать... но я вдруг отчётливо понимаю – этот раунд я должна выстоять сама.

Медленно разжимаю пальцы и освобождаю свою руку.

Делаю шаг вперёд.

Не оборачиваюсь, но чувствую тяжёлый взгляд мужа спиной. Жду, что он остановит меня… но Марк не произносит ни слова.

Отлично.

Ещё два шага.

Встаю напротив любовницы мужа.

Между нами лишь жалких два метра расстояния. До меня даже долетает аромат её духов.

Сладкий. Дорогой. Раздражающий.

- О, Женя, - с застывшей в уголке её идеальных губ усмешкой снисходительно произносит эта гадюка. – Доброе утро.

Ага. Доброе.

Но не для всех.

Ничего не отвечаю ей.

В абсолютной тишине смеряю её холодным презрительным взглядом. От кончиков голубых лодочек до собранных на макушке светлых прядей, где каждый волосок идеально лежит на своём месте.

Потом резко поднимаю взгляд и смотрю в её наглые, бесстыжие глаза.

- А мы разве шлюх вызывали?

Глава 12

Женя

Нина прищуривается. Уголки её торжествующей улыбки быстро ползут вниз.

- Послушай. Ты… - шипит она, не отрывая от меня опасно прищуренного взгляда.

Не двигаюсь. Не моргаю.

- Нина! – Марк гаркает так резко, что мы обе вздрагиваем.

Он быстро подходит и встаёт между нами. И даже будто бы почти закрывает меня широкой спиной от своей наглой любовницы.

Очень смешно.

- Сейчас же уходи, - зло цедит он сквозь зубы, но Нина игнорирует его.

Она всё ещё смотрит на меня.

И в её глазах сейчас такая неприкрытая ненависть, что я физически чувствую её.

- Марк, - имя мужа из её змеиных уст слушать неприятно, меня жутко коробит, я даже передёргиваю плечами, - ты слышал, как она меня назвала?! – вот теперь Нина переводит взгляд на Марка, и я с удивлением наблюдаю, как её глаза тут же театрально наполняются слезами. Обалдеть. – Разве я это заслужила?

А то нет!

- Нина. – голос Марка меняется – становится обманчиво тихим, тягучим, бархатным. Только я знаю, какие эмоции прячутся за этим тоном… - Я сказал – уходи.

- Зачем же? – вклинивается в наш разговор Сашка.

Брат подходит ко мне и обвивает своей тяжёлой ручищей мою талию, притягивает к себе.

Я оборачиваюсь и замечаю, что в другой руке он уже держит сумку с моими вещами.

Вот сейчас мне становится значительно легче и спокойнее.

- Эта дамочка явно к тебе пришла, - говорит Сашка Марку с явной насмешкой. – Оставайтесь. А мы с Женей покинем вас.

Муж резко разворачивается к нам.

- Женя никуда не пойдёт.

- Да неужели?!

Сашка опасно щурится. Сплёвывает на газон. Одним движением убирает меня себе за спину и делает шаг к Марку.

Бешеный пульс снова бьёт мне в виски.

- Твоя шмара уже прискакала к вам домой, - Сашка смотрит Марку прямо в глаза. На его лице ни одной лишней эмоции. – Ты совсем охуел, Марк. Ты реально думаешь, что я оставлю сестру здесь?

По лицу мужа ходят желваки. Кулаки медленно сжимаются.

- Марк, - ноет Нина за его спиной, - почему ты позволяешь меня оскорблять?

Никто даже головы не поворачивает в её сторону.

- Уйди с дороги, - цедит сквозь сцепленные зубы Сашка.

Я тянусь и нахожу его ладонь. Осторожно сжимаю сбитые, горячие костяшки пальцами. И брат понимает меня без слов.

Останавливается.

Марк смотрит на наши с братом сцепленные руки, потом поднимает потемневший взгляд на меня. Какая-то тень эмоции быстро проходит по его лицу и тут же исчезает.

- Ладно, - говорит он наконец ровно, спокойно, обращаясь к Сашке. – Я разрешаю Жене погостить у тебя пару дней.

Как здорово.

Марк снова резко переводит взгляд на меня, и в этом взгляде я вижу только едва сдерживаемую злость.

- Женя, не забывай – через два месяца выставка, твоя работа заявлена. У нас жёсткий контракт. Поэтому через два дня я жду тебя на работе.

Да щаз.

Так и хочется сказать ему всё, что я по этому поводу думаю… но я заставляю себя молчать.

Тихо выдыхаю через нос.

И молчу.

Проходит ещё несколько напряжённых секунд, и Марк всё-таки отходит в сторону.

Под двумя прицельными взглядами мы с Сашкой выходим за ворота.

Не оборачиваемся. Ни разу.

В машине брата я наконец шумно протяжно выдыхаю. И сразу же жадно тяну воздух носом обратно. Он пахнет пыльной обивкой сиденья, хвойным освежителем и свободой.

Я всё-таки вырвалась!

Я смогла.

Сашка садится за руль, хлопает дверцей. Открывает бардачок и достаёт оттуда пачку влажных салфеток. Начинает вытирать руки, лицо.

- Давай я, - говорю тихо и беру новую салфетку.

Брат поворачивается ко мне.

Осторожно стираю кровь со скулы, с губ, стараясь не задеть сами ссадины. Сашка даже не морщится.

Голубые глаза смотрят на меня устало.

Останавливаюсь.

Смотрю брату в лицо.

- Сашка.

- М?

Молчим пару мгновений, а потом я строгим голосом говорю ему, как когда-то в детстве, когда он разбил мамину любимую вазу и спрятал осколки на балкон:

- Сейчас мы приедем к тебе, и ты расскажешь мне всё. Без вранья. Понял?

Глава 13

Женя

Сашка не отвечает. Он заводит машину, и она плавно трогается с места.

В боковое зеркало я смотрю, как наш дом… мой дом остаётся всё дальше и дальше... Бежевые стены. Черепичная крыша. Калитка, которую я столько раз открывала и закрывала.

Всё.

Всё, что было моей жизнью много лет, вскоре останется за поворотом.

Я знаю, что туда больше не вернусь. Но внутри нет истерики, слёз. Нет никакого слома. Будто все чувства, которые у меня были к этому месту, к мужу… они исчезли все разом после сегодняшней ночи.

Марк остался там с Ниной… и это меня не беспокоит. Совсем.

Возможно, потом будет больно.

Сейчас – нет.

Брат по-прежнему молчит, и я поворачиваюсь, смотрю в окно.

Редкие машины кружат по улицам спящего ещё города. Светофоры моргают жёлтым глазом. За стеклом проплывает обычный город, которому нет никакого дела до того, что у меня только что рухнула жизнь.

Через пару минут снова скашиваю взгляд на брата. Он весь как натянутая струна. Челюсти сжаты. Плечи каменные. Голубые глаза смотрят на дорогу, но я чувствую – Сашка сейчас не здесь. Не со мной.

Строгим голосом старшей сестры я говорю ему:

- Сашка. Я не услышала твоего ответа. И даже не думай, что ты…

- Я всё расскажу, - перебивает меня брат. Голос низкий, натянутый. – Но сначала мы поедем не ко мне.

Моргаю.

- А куда?

Он на секунду отрывает взгляд от дороги.

И показательно смотрит на мою шею. Взгляд брата скользит с моего подбородка вниз, останавливается, и у меня по рукам моментально рассыпаются мурашки. Не от страха. Нет. Я не боюсь Сашку ни секунды. Но в его голосе я слышу такую концентрированную, холодную опасность, что становится не по себе.

- На медосвидетельствование.

Бух.

Это слово камнем падает между нами, и напряжение в машине растекается, будто расходятся круги на воде.

Замираю. Тревога закручивается в животе ледяной спиралью. Сердце громко булькает в горле.

Я неосознанно тяну пальцами воротник кофты выше в глупой попытке спрятать шею… и тут же злюсь на себя за этот жест.

- Саш, - говорю осторожно. – Они же вызовут полицию.

- Да, - мрачно роняет он. Выдыхает сквозь зубы. И добавляет резче, грубее: - Боишься за него?

- Нет, - качаю головой. – Конечно, нет.

И это абсолютная правда. Марк меня мало волнует. А вот я сама…

- Саш…

Смотрю на брата, но он больше не поворачивается ко мне. Дышит тяжело, полной грудью. Злится.

Провожу кончиком языка по пересохшим губам и пытаюсь подобрать слова, чтобы объяснить брату свою позицию.

- Саша, мне не нужна огласка. Понимаешь? Я потом от этой грязи не отмоюсь – вонючий шлейф этой истории будет тянуться за мной годами. Я достаточно известный дизайнер, и я не хочу, чтобы мои клиенты и коллеги шептались за моей спиной и тыкали в меня пальцем. Я не хочу быть жертвой, Саш.

Сашка сжимает челюсти с такой силой, что я почти слышу, как скрипят зубы.

- То есть ты хочешь спустить ему это с рук? – зло цедит он сквозь зубы.

- Нет.

Мой голос звучит ровнее, чем я ожидала.

- Мне нужны документы об осмотре. Фотографии. То, чем я смогу Марка припугнуть… - понижаю голос, - но тихо, без суда, без журналистов. Марк слишком дорожит своей драгоценной репутацией, чтобы позволить мне вынести это на всеобщее обозрение. А мне нужен быстрый развод. Вот и всё.

В салоне машины воцаряется тишина.

Слышно только урчание мотора и гудение пролетающих авто за окном.

Мы останавливаемся на светофоре. Сашка по-прежнему смотрит вперёд. Думает. А я замечаю, как по правой скуле снова ползёт тонкая алая нитка – ссадина открылась.

Загорается зелёный, и машина снова плавно рвётся вперёд, а Сашка наконец отвечает:

- Хорошо.

И я вижу, как тяжело ему этот ответ даётся.

Брат поворачивает руль и перестраивается в крайний левый ряд – машина плавно разворачивается.

- Мы поедем к моему приятелю. Думаю, он поможет провести всё тихо, без огласки, раз ты так хочешь.

На мгновение облегчённо прикрываю глаза, а потом тихо выдыхаю:

- Спасибо.

Машина быстро набирает скорость, город сливается за окном в одно мутное пятно, и я позволяю себе просто сидеть и не думать ни о чём.

Одну минуту.

Только одну. Пока телефон в моём кармане не оживает.

Достаю его машинально… и замираю.

На экране высвечивается «Свекровь». Секунду, две раздумываю, а потом всё-таки нехотя отвечаю:

- Здравствуйте, Татьяна Ру…

- Мерзавка! Как ты могла позволить избить Марка! Если бы не Нина…

Глава 14

Женя

Домой к Сашке мы приезжаем уже вечером, потому что его приятель – Макс – был жутко дотошен. И наверно это правильно, но от его осмотра у меня осталось двоякое ощущение.

Во-первых, Максим оказался именно тем человеком, которого я меньше всего ожидала увидеть в белом халате.

Высокий и по-настоящему большой – широкоплечий бугай под два метра ростом. Он вошёл в кабинет частной клиники, где я его ждала, и сразу занял собой половину пространства. Светлые волосы были спрятаны под пёструю шапочку. Но сильнее всего меня поразили не его исполинские размеры – из-под рукавов белого халата, из-за ворота футболки, словно хвосты ящериц выглядывали окончания ярких цветных татуировок: змея на руке, что-то геометрическое на шее и ещё какие-то узоры на ладонях, которые я так и не успела рассмотреть.

Сначала я растерялась. Даже немного смутилась… а потом неожиданно, в том числе и для себя, начала их разглядывать.

Я никогда не хотела поставить себе тату. Никогда не понимала этого увлечения. Но на Максе… на огромном, невозмутимом Максиме татуировки смотрелись… мило.

Неожиданно мило.

И пока приятель моего брата осматривал меня – тихо и чётко задавал мне вопросы, хмурился на мои ответы, что-то вносил в компьютер – я разглядывала продолжения красивых узоров на его ладонях. Тонкие линии местами словно ныряли под кожу и снова появлялись на пальцах.

Возможно, так работала моя психика – отвлекала меня, не давала зацикливаться на вопросах Максима… но в какой-то момент я поняла, что мне очень интересно узнать, что ещё скрыто там, под белой тканью…

И именно в тот момент, когда я увлечённо разглядывала тонкие чёрные хвостики на шее Максима, он вдруг оторвал взгляд от монитора… и посмотрел на меня.

Зелёные глаза внимательно глядели на меня, а я почувствовала, как щёки начинают гореть. Смутилась и быстро перевела взгляд в окно, а Максим тихо, почти беззвучно хмыкнул.

Боже… Отлично, Женя. Просто отлично.

И вот это ощущение стыда, которое сопровождает меня до сих пор – это второе.

Но зато теперь у меня в руках конверт, в котором лежат фотографии и заключение врача.

И такой же конверт – у Сашки. Макс зафиксировал и его повреждения.

Сжимаю своё сокровище двумя руками и иду за братом по коридору, а в голове вновь вертится та же мысль, что не отпускала меня всю дорогу – Марк отпустил меня слишком легко, будто был уверен, что я вернусь.

Почему?

Ведь самое логичное – предположить, что я никогда больше не появлюсь с ним рядом.

А муж уверен, что я сама вернусь домой…

От этой тревожной мысли и вопросов, на которые у меня нет ответа, желудок начинает привычно болеть. Так часто бывает, когда я нервничаю.

- Проходи, - Сашка открывает передо мной дверь и улыбается. Устало, но по-настоящему. – Будь как дома.

Он быстро скидывает кроссовки.

Я тоже разуваюсь и с интересом рассматриваю прихожую. Неожиданно светлые стены, мягкий диванчик под овальным зеркалом. Одиноко висящую на крючке куртку и чёрный зонт, лежащий на полке.

Его дом.

Три года его жизни, которых я не видела.

На душе становится так тоскливо.

Оставляю свою сумочку в прихожей и следую за Сашкой на кухню.

Помещение небольшое, но уютное – светло-зелёные стены, цветом под светлое дерево кухонный гарнитур, прозрачный тюль на окне… и большой кактус на подоконнике.

Сашка щёлкает кнопкой электрического чайника, и тот сразу начинает тихо шуметь. Открывает холодильник. Гремит чем-то внутри. Достаёт молоко.

И всё это время на меня не смотрит, будто ему неловко или совестно… ведь, как я понимаю, на это всё брату дал денег Марк.

Сажусь за стол, и через пару минут Сашка ставит передо мной кружку.

Чёрный чай. С молоком. Горячий.

Именно такой чай я пью.

Удивлённо смотрю на брата, а он только фыркает.

- Я всё помню.

Улыбаюсь, сжимаю горячую кружку пальцами и, наконец, чувствую, как на душе становится теплее.

Сашка в это время снова открывает холодильник, изучает содержимое с деловым видом и заявляет, оборачиваясь ко мне:

- Так. У меня есть вчерашние котлеты и пюрешка, будешь?

Киваю.

- Да, - говорю честно, а желудок снова сжимается от одного слова «пюрешка». – Я жутко проголодалась.

- Вот и отлично. Я, кстати, тоже.

Сашка ставит контейнеры в микроволновку и косится на своё отражение в стеклянной дверце шкафа над ней, осторожно трогает разбитую губу.

- Надеюсь, это мне не очень помешает.

- Жуй другой стороной.

- Спасибо, кэп.

Я снова улыбаюсь. А Сашка вдруг резко поворачивается ко мне и прошивает насквозь своим взглядом.

- Я сейчас расскажу тебе всё без вранья.

Пальцами сильнее сжимаю горячую кружку, а Саша садится напротив меня, хмурится.

- На следующий день после того, как мы с тобой поругались из-за этого придурка, которого ты выбрала себе в мужья, - говорит быстро, словно боится остановиться и передумать, - он пришёл ко мне и предложил деньги. За то, чтобы я исчез из твоей жизни.

Две секунды молчания и удар.

- И я согласился.

Глава 15

Женя

- И я согласился.

Молча смотрю на брата. Сердце едва бьётся в груди, дыхание спирает.

Получается… Марк прав, и Сашка просто продал меня.

Он. Меня. Продал.

Брат сидит прямо, пальцами нервно постукивает по столу, смотрит мне в лицо напряжённо… как человек, который уже приготовился к удару.

А я так и молчу… потому что просто не знаю, что сказать, как реагировать на эту горькую правду.

Микроволновка тихо гудит, за окном шумит улица… а у меня в груди разверзается сквозная дыра.

- Сколько? – наконец тихо спрашиваю.

- Жень… - он морщится, но взгляда не отводит.

- Сколько, Саша.

Брат называет сумму.

Я медленно киваю.

Вот, значит, как. Вот во сколько муж оценил меня.

Хорошая сумма. Щедрая даже. Что ж, Марк всегда умел выбирать правильную цену.

- И ты… - голос слишком тихий, убитый. – взял.

- Взял, - повторяет Сашка и резко встаёт, словно не может больше сидеть на месте.

Подходит к окну, смотрит в сгущающуюся темноту за стеклом.

- Сначала, как только он это сказал, я хотел зарядить ему в бубен и затолкать его предложение ему в глотку обратно, - говорит он, не оборачиваясь. Голос у него ровный, но я чувствую в нём сильное напряжение. – Знаешь, я даже помню, как рука сжалась в кулак прямо там, за столом. Я сидел и думал «Ну сейчас я встану и…»

Он замолкает на секунду.

- Но не встал, - заканчиваю за него, и чувствую на языке горечь от произнесённых слов.

- Не встал, - продолжает Сашка, и в его голосе появляется что-то горькое и злое одновременно. – Потому что подумал о тебе. Нет, не о том, что тебе с этим гадом жить и, увидев его разукрашенную физиономию, ты расстроишься. Я подумал тогда о другом. О том, что когда-нибудь ты раскусишь его гнилое нутро и поймёшь, с кем связалась. И тогда придёшь ко мне.

Он оборачивается.

Смотрит на меня прямо, и в его голубых глазах сейчас столько всего, что у меня перехватывает дыхание.

- А у меня не было ничего, Женя. Совсем. Родительскую квартиру мы с тобой продали, чтобы заплатить за мамину операцию. Машины нет, работа… - он хмурится и машет рукой, - Ну, ты знаешь, какая у меня была работа. И я сидел напротив этого… - он на мгновение запинается и продолжает: - этого гада и думал: «ну вот вернётся Женька. И что? Куда я её приведу? Как мы будем справляться?»

Острые холодные мурашки рассыпаются по коже от его слов.

- Ты не слышала меня тогда, - говорит он тихо. Без упрёка… и это намного хуже... – Ты была влюблена. Женя, ты же смотрела на него и ничего не видела. Я пробовал говорить с тобой – помнишь, чем это кончилось?

Помню.

Ещё как помню.

- Поэтому я взял деньги. Купил эту квартиру, машину взял, одежду нормальную тоже, чтобы было в чём ходить на собеседования. Упаковался по максимуму, - он коротко, невесело усмехается и снова ловит мой взгляд. – Чтобы тебе было куда прийти.

Сашка замолкает, и на кухне повисает тишина.

Только слышно, как холодильник гудит в углу. Потом громким звуком сообщает о готовности микроволновка.

Я сижу и смотрю на брата: на его взъерошенные волосы, на подсохшую кровь на скуле, на руки со сбитыми костяшками… и понимаю, что мой младший брат оказался намного дальновиднее и мудрее меня.

Он всё видел.

Ещё три года назад, пока я стояла перед ним ослеплённая своей любовью и кричала что-то про то, что он ничего не понимает и лезет не в своё дело, он уже тогда видел гораздо больше меня.

- Ты был прав, - говорю совершенно чужим, севшим голосом. – Саш, ты был прав во всём. И... правильно сделал, что взял эти деньги.

Я произношу эти слова и вижу, как Сашкины плечи медленно опускаются.

А у меня в груди пожар.

Встаю, подхожу к брату и рывком обнимаю его.

По-настоящему, крепко, так, как мы не обнимались три года. Сашка на голову выше меня, и я утыкаюсь лицом куда-то ему в плечо, и чувствую, как его руки сжимаются у меня за спиной сильно, почти до боли.

Три года.

Целых три года мы не разговаривали и не виделись.

Как мы смогли выдержать это?

- Уфф, - выдыхает чуть позже Сашка с облегчением, и я слышу улыбку в его голосе. – А я думал, ты меня побьёшь или запустишь в меня кружкой.

Смеюсь, а в глазах стоят слёзы.

- Прости меня, - шепчу. – Прости, что не послушала тебя тогда.

Сашка молчит и прижимает меня к себе крепче.

- Уже простил, - выдыхает тихо мне в макушку. – Давно простил, Жень.

Стою и впервые за последние дни дышу по-настоящему. Чувствую тепло его рук на спине… и понимаю, что всё дальше будет хорошо. Сашка рядом, и теперь я со всем смогу справиться.

Мы расцепляемся, только когда у меня в кармане начинает жужжать телефон.

Отрываюсь от брата, но не отхожу от него. Беру телефон в руку, смотрю на экран и тихо усмехаюсь.

Любовница Марка прислала мне их очередную совместную фотографию с припиской:

«Не возвращайся. Тебя больше не ждут».

- Что там? – рядом раздаётся настороженный голос Сашки.

Молча поворачиваю к нему экран.

Он смотрит, и я вижу, как его челюсти сжимаются.

- Вот же суки.

Глава 16

Женя

- И давно это продолжается?

Сашка смотрит на меня в упор. Его голубые глаза опасно темнеют. Между бровями появляется жёсткая складка.

- Не знаю, - пожимаю плечами и смотрю на фотографию ещё раз, потом убираю телефон в карман. – Она недавно вернулась из-за границы. Марк взял её к нам моделью. – вздыхаю. – Подозреваю, что не просто так.

- Ясно.

Брат произносит это слово так, будто ставит в своём уме Марку печать на приговоре – хмуро, коротко, зло – и накрывает мою руку своей ладонью.

- Хорошо, что сейчас всё его дерьмо наверх полезло, - говорит он. – А не через двадцать лет. Я бы не выдержал столько ждать. А сейчас мы найдём тебе нормального парня...

Я хмыкаю, и он замолкает.

- Ты что ли искать будешь?

- А что, думаешь, не справлюсь?

- Саш, - толкаю его в бок, - я пока вообще не планировала.

Брат смотрит на меня секунду, потом молча кивает – мол принял, не спорю. А я понимаю вдруг, что с Сашкой говорить о предательстве мужа гораздо легче, чем барахтаться в этом одной, постоянно копаться в своих мыслях. Брат молча кивает – мол, принял, не спорю. И от этого его молчаливого «окей» внутри расслабляется сжатая пружина.

Сашка легонько подталкивает меня к столу.

- Давай ужинать. Потом спать тебя уложу. Намаялась же ты с этим го… - он осекается, бросает на меня короткий извиняющийся взгляд, - …прости, но других слов у меня для него нет.

- Ничего, - говорю и ловлю себя на том, что уже не печёт в груди, когда мы говорим о Марке, - я полностью согласна с твоим определением.

Брат усмехается. Мы садимся за стол.

Пюре у него получилось идеальное – нежное, с маслом, именно той консистенции, какая бывает только когда делаешь его руками, а не блендером. Котлеты чуть подкачали – подсохли с краёв, но внутри сочные.

- Сам готовил?

- Конечно, - улыбается Сашка в первый раз по-настоящему за весь вечер. Разбитая губа наверняка болит, но он даже не кривится.

- Очень вкусно, - говорю честно. – Серьёзно, Саш. Очень.

Он машет рукой, но вижу, что ему приятно.

Постепенно разговор сам собой съезжает на другое. Сашка рассказывает про свою новую работу. Оказывается, теперь он крутой программист в крупной компании. Зарплата приличная, задачи интересные, коллектив без зануд.

- Подожди, - перебиваю его, - ты же раньше вообще в другую сторону смотрел.

- Переучился. Времени было – завались, - говорит коротко и снова тянется за хлебом.

Получается, три года одиночества он потратил с умом. Пока я жила в красивом доме с «идеальным» мужем и старательно не замечала очевидного – нелюбви Марка, Сашка полностью менял свою жизнь.

Это очень неожиданно, но приятно. И правильно.

- А девушка у тебя есть? – спрашиваю и откладываю вилку на стол.

- Нет. – спокойно отвечает Сашка и отпивает чай. – Длительные отношения – не мой формат.

- Понятно, - выдыхаю, а брат неожиданно добавляет:

- Вот тебя замуж выдам за нормального мужика, тогда и самому можно будет жениться.

Я давлюсь чаем.

Закашливаюсь и отставляю кружку подальше от себя.

- Саш, - вытираю губы салфеткой, - я ещё даже не развелась.

- Ну ты же собираешься.

Он смотрит на меня внимательно – голубые глаза словно сканер просвечивают меня насквозь, проверяют, не растеряла ли я свой боевой настрой где-то между побегом и вкусным ужином.

- Конечно, собираюсь, - отвечаю не раздумывая.

- Ну вот и отлично.

Спать в спальне брата я категорически отказываюсь.

- Женя, там нормальная кровать, а здесь жёсткий диван, - пытается спорить Сашка.

- Я буду спать здесь, - стою на своём.

Брат смотрит на меня секунду, понимает, что спорить бесполезно, и молча уходит за постельным бельём.

Через десять минут я уже лежу на диване в зале, укрытая мягким пледом, который пахнет чем-то незнакомым, но приятным. За окном гудит вечерний город. В квартире тихо, только где-то в глубине слышно, как Сашка возится в спальне – закрывает окно, щёлкает выключателем.

Меня накрывает мягкая, уютная темнота.

Закрываю глаза, и в этот момент, в тишине, мои мысли перестают притворяться, что всё под контролем.

Я понимаю, что развод не будет простым. Марк умный, сейчас озлоблен, и у него есть деньги на хорошего адвоката.

Вместе с разводом, даже раньше – уже сейчас я теряю свою работу, потому что вариться в одном коллективе с ним и его любовницей я не собираюсь.

Значит, пора искать новую работу. И начинать всё с нуля.

Кусаю губу. Тяжело выдыхаю и вдруг вспоминаю: два года назад, после победы в конкурсе, мне предложили контракт. Другой бренд, крупный, серьёзный. Я тогда отказалась… быстро, не раздумывая, даже Марку не сказала, чтобы не расстраивать его.

Качаю головой.

Какой же влюблённой дурой я была…

Открываю глаза. Взгляд скользит по белому потолку.

А вдруг…

Пальцы сами сжимают край одеяла.

Боже, прошло два года, да. И это безусловно много. То предложение давно могло потерять актуальность, а место – найти другого человека. Но моё портфолио за эти два года пополнилось ещё двумя победами. И это тоже не мало.

Лежу и уговариваю себя – есть шанс, небольшой, но есть. Надо попробовать. Хуже уже точно не будет.

Переворачиваюсь на бок. Решаюсь.

Завтра я напишу не только адвокату. Ещё Соболеву Андрею Геннадьевичу – владельцу ювелирного бренда «Соболев».

Два года назад он сказал, что будет ждать моего положительного ответа… Интересно, ждёт ли ещё?

Глава 17

Марк

Калитка закрывается тихо.

Не хлопает, а именно аккуратно, почти бесшумно закрывается, будто Женя даже уходя не позволяет себе лишнего.

Не двигаюсь. Стою и смотрю на дверь, увитую металлическими прутьями, за которой скрылась моя жена.

Секунда. Вторая. Третья.

На моём лице не меняется ничего, но внутри штормит. Тошнит от себя самого.

Я видел всё.

Видел, как Женя замерла на долю секунды, на один яростный удар сердца, когда заметила Нину. Видел, как это ударило её под дых. По-настоящему ударило – я знаю жену достаточно хорошо, чтобы уловить момент, когда она на грани, когда выбирает – падать или стоять.

Сегодня Женя выбрала принять удар и выстоять.

Подняла подбородок. Натянула на лицо маску. И прожгла Нину взглядом.

Холодным, ровным, убийственным.

И резко, даже грубо осадила её. Ударила так, что привыкшая к поклонению Нина дрогнула.

Я был восхищён, а Женя стояла напротив моей любовницы и держала удар. Горела внутри, но стояла.

Чертовски красивая женщина.

Чертовски сильная.

Моя.

Последнее слово приходит на ум само и сразу же горечью оседает на языке, потому что Женю я только что выпустил из своих рук.

Нет, я не боюсь, что она не вернётся. Жена слишком зависит от меня. Она может противостоять Нине, но не справится со мной. Даже если она меня не простит, она обожает свою работу, и я её крепко держу рабочим контрактом.

Никаких поблажек. Она сама так просила. Поэтому огромная сумма неустойки и штрафа – отличный поводок, и я в любой момент могу его дёрнуть.

Но я позволю ей немного отдохнуть. Пусть успокоится и придёт в себя. Всё-таки я виноват во всей этой ситуации.

Гоняю эти мысли по кругу и понимаю, что всё вроде бы правильно и схвачено там, где надо, но что-то неприятно сжимает мне грудь. Внутри мерзкое ощущение, что я упускаю что-то важное…

- Марк.

Нина подходит сзади. Я слышу её лёгкие, уверенные шаги по дорожке и чувствую, как её пальцы ложатся на моё плечо. Скользят вниз по руке от ноющего плеча до запястья.

Красивые пальцы. И слишком холодные.

- У тебя кровь. – голос у неё приятный, нежный, заботливый. – Как она позволила этому малолетнему уголовнику поднять на тебя руку…

- Замолчи.

Разворачиваюсь.

Смотрю ей в глаза и вижу, как она под моим холодным взглядом на мгновение сжимается и бледнеет.

- Зачем ты пришла?

Её пальцы замирают на моём предплечье, и я их одним движением стряхиваю.

Но Нина лишь секунду смотрит на свою ладонь растерянно, а потом выпрямляется. Скрещивает руки на груди. Ловит мой взгляд и прищуривается. И я против своей воли замечаю, как ткань костюма обтягивает её по-другому, когда она стоит вот так – прямая спина, поднятый подбородок и этот острый взгляд снизу вверх.

Красивая, соблазнительная... и такая доступная.

Эта мысль приходит сама… грязная, неуместная, совершенно ненужная.

И она злит… злит именно потому, что правда.

Чёрт.

Мгновенно одёргиваю себя, но тело уже реагирует.

- Не надо пугать меня, Марк, - говорит Нина ровно. – Лучше пойдём в дом, и я обработаю твои раны.

Смотрим друг другу в глаза.

Щека действительно ноет. Кожу стягивает липкая подсохшая корка… раздражающая, противная. Рубашка липнет к боку там, где Женин братец приложился особенно удачно.

Несколько секунд стоим молча… а потом я разворачиваюсь и иду в дом.

Знаю, что поступаю неправильно. Что надо было сказать «уходи». Что каждый шаг к дому сейчас – это шаг не туда.

Понимаю.

И всё равно иду вперёд, а Нина за мной следом.

Я слышу её дыхание у себя за спиной. Чувствую цветочный аромат её духов.

И знаю – я уже проиграл.

Не ей.

Себе.

Глава 18

Марк

Прохожу в гостиную.

Не оборачиваюсь, но слышу – Нина идёт за мной. Её шаги – лёгкий, уверенный цокот каблуков по плитке прихожей.

Останавливаюсь посреди гостиной и чувствую, как яд, который она снова запустила мне под кожу, опять отравляет меня.

Медленно. Неотвратимо. Смертельно.

Он растекается по венам, смешивается с кровью, затуманивает разум.

Паршиво.

Тихо, в нос выдыхаю. Руки убираю в карманы брюк и по-прежнему не оборачиваюсь к Нине. Кажется, если посмотрю на неё – испачкаюсь. Запятнаю остатки того чистого чувства, что было между мной и Женей.

Да, наверно, это глупо, после всего, что я уже сделал, но…

- Где у вас аптечка? – голос Нины звучит мягко, почти ласково.

Она не обходит меня, не встаёт рядом. Стоит у меня за спиной. И я проклинаю себя за то, что чувствую сладкий аромат её духов и жадно ловлю каждый её вдох.

- На кухне, в среднем ящике, - говорю холодно, хотя внутри уже разгорается адский пожар.

Нина уходит, и я слышу, как снова цокают по плитке её каблуки.

Усмехаюсь про себя. Даже сейчас она осталась грёбаной королевой – не сняла свои чёртовы туфли.

Сажусь на диван.

Растираю лицо ладонями. Кожа горит. На секунду закрываю глаза и передо мной вспыхивает лицо Жени. Её пустой взгляд. Её ровный голос. Её слова: «А мы разве шлюх вызывали?»

Я не защитил её, и моя девочка кусала сама.

Сглатываю вставший в горле ком и откидываюсь на спинку дивана.

Я устал.

Адреналин схлынул, и я физически чувствую, как мне сейчас хреново. Каждая мышца ноет. Каждая ссадина пульсирует. Голова гудит.

Тихие звуки на кухне сменяются уверенной походкой Нины… и шорохом ткани у моих ног…

Дерьмо.

Она опускается передо мной на колени.

- Убери руки, - говорит Нина тихо. – Я обработаю сначала лицо.

Голос мягкий, почти ласковый. Он мог бы обмануть любого. Но не меня.

Тихо, с горечью усмехаюсь и опускаю руки.

Мы смотрим друг другу в глаза.

Нина дышит тяжело – её грудь высоко вздымается, очертания упругих сосков хорошо видны под синей тканью. Она кончиком языка медленно проводит между своими губами.

Пах простреливает горячим желанием.

Жгучим. Сильным. Пошлым.

Нина конечно это замечает. Улыбается победоносно, довольно. Тянется ко мне...

- Обувь сними, - резко охлаждаю её пыл.

Улыбка тут же сползает с её лица, на шее проступают красные пятна гнева.

Она встаёт резко. Быстро снимает туфли и ногой отодвигает их от дивана. Я слышу, как они глухо ударяются о стену.

- Так лучше? – голос ледяной.

- Намного.

Я вижу, как Нина заводится. Как её глаза сужаются, как уже на скулах появляются красные пятна.

- Дай мне аптечку, - говорю и поднимаюсь. – Сам обработаю.

Забираю из её руки небольшую квадратную сумку. Бок простреливает острой болью и на секунду темнеет в глазах. Морщусь и стискиваю челюсти, а боль вырывается наружу шумным выдохом.

Нина тут же подлетает ко мне, придерживает за руку.

- Больно?

- Терпимо.

Убираю её руку. Подхожу к зеркалу.

Смотрю на своё отражение. На разбитое лицо. На подсохшую кровь. На ссадины, которые уже начинают синеть. Достаю вату, среди нескольких пузырьков нахожу нужный. Смачиваю и осторожно промакиваю каждую ссадину. Шиплю, когда касаюсь раны на губе.

Жжёт, сука.

Наконец, отшвыриваю вату от себя и разглядываю свою разукрашенную физиономию в зеркало.

- Хорош, - выдыхаю.

- А всё из-за твоей…

- Замолчи.

Резко оборачиваюсь. Осекаю Нину одним взглядом.

- Не смей ни слова говорить о Жене.

- Я про её брата!

- Мне похер. Моя семья – не твоё дело.

Она злится. Я вижу это по тому, как сжимаются в тонкую линию её губы, как напрягаются плечи.

- Ложись на диван. Я обработаю спину и бок.

Смотрю на Нину сверху вниз. Она не отводит взгляда.

- Хорошо, - наконец выдыхаю.

Скидываю рубашку. Рукав застревает на ноющем запястье, я дёргаю, и по телу проходится волна боли.

Ссукааа…

Ложусь животом на диван. Морщусь – бок реально болит. Каждое движение отдаётся в теле тупой болезненной пульсацией.

- Тут большая гематома, - голос Нины звучит настороженно. – Может, лучше к врачу?

- Обрабатывай.

Она не спорит.

Её пальцы касаются моей спины очень аккуратно, почти профессионально. Не давят, не торопятся. Я чувствую, как вата скользит по коже. Как холодная жидкость обжигает раны. И как её дыхание касается моей спины.

Стараюсь не реагировать на её прикосновения и смотрю в стену.

В голове – пустота.

Гудящая, тягучая, непривычная.

Я чувствую только боль в боку... и тепло её рук.

Нина больше не пытается заговорить. Она молча обрабатывает все раны, заклеивает пластырем самые глубокие ссадины. Я слышу, как она дышит, как шуршит ткань её костюма, как тикают часы на стене.

Когда она заканчивает, я быстро поднимаюсь, не обращая внимания на боль... потому что боюсь передумать.

- Подожди меня пару минут. Я переоденусь, и мы поедем.

- Куда? – она тоже поднимается.

Встаёт рядом.

Я чувствую её дыхание на своей коже – горячее, влажное. Её запах пьянит. Желание содрать с неё эти тряпки и прижать к себе зашкаливает. До боли. До дрожи в руках.

Сжимаю ладони в кулаки, чтобы не сорваться, и холодно отвечаю:

- На работу, конечно. Ты ещё должна написать заявление на увольнение. Помнишь?

- Но Марк...

Глава 19

Марк

Стою у окна. Руки в карманах брюк.

Город внизу живёт своей жизнью – машины и люди движутся, как длинные пёстрые ленты, опутывая собой многочисленные кварталы из старых и новых домов.

В отражении стекла вижу себя. Белая рубашка. Чёрные брюки. Идеальный костюм. Идеальный фасад… за которым уже пошли трещины.

Думаю о Жене.

О том, что она дала мне. Не просто успех и деньги, не просто победы на конкурсах. Она дала мне то, чего у меня никогда не было.

Тишину. Покой. Чувство, что я – не просто винтик в системе… бизнесмен и владелец ювелирного дома. Она показала мне, что я – человек… её человек.

Я помню, как она сидела на кухне по ночам с эскизами, пила свой чёрный чай с молоком, хмурилась, когда что-то не получалось, и устало улыбалась, когда я заходил. Женя создавала не только украшения, которые заставляли людей замирать. Она создавала дом, в который хотелось возвращаться.

Она любила меня. Любит.

Готов ли я это всё потерять?

Качаю головой и отхожу от окна.

Не готов.

Ни одну чёртову деталь не готов вычеркнуть из своей жизни.

Подхожу к столу. Нажимаю на селектор.

- Инна, кофе. И пригласите ко мне Нину.

- Конечно, Марк Игоревич.

Отпускаю кнопку.

Смотрю на Женины награды, стоящие на стеклянной полке в шкафу, на своё размытое отражение в тёмном стекле. И понимаю – пора поставить точку.

Через минуту тихо, почти беззвучно открывается дверь.

Я не поднимаю головы, не отвожу своего взгляда от экрана ноутбука… но чувствую её. Тонкий сладкий аромат духов мгновенно просачивается под кожу.

Выдыхаю. Спина сама выпрямляется. Сердце начинает стучать яростно, рвано... и я ненавижу это. Ненавижу, как Она влияет на меня. Ненавижу, что не могу себя контролировать.

Когда Нина почти доходит до меня, я всё-таки поднимаю на неё свой взгляд.

Она идёт уверенно, чашка кофе в руке. Синий льняной костюм сидит на ней идеально, подчёркивая каждую линию её тела. Волосы красиво уложены волнами. Макияж слишком естественный, чтобы его заметить.

Нина выглядит так, будто только что сошла с обложки журнала.

Она ставит передо мной чашку с кофе – наклоняется медленно… нарочито медленно, так, чтобы я оценил размер её груди.

Зря старается.

Я её помню.

Этот образ никак не стирается из памяти.

Я пытался его вытравить, сжечь, забыть. Но он по-прежнему живёт во мне.

Грязный, липкий, живой.

Мой секрет.

Нина выпрямляется и остаётся стоять рядом. Опирается бедром о край стола – ткань брюк натягивается. Если сейчас протяну руку, то коснусь тела, которое так желаю.

Пах наливается кровью.

Резко выдыхаю.

Медленно поднимаю взгляд выше, смотрю в её голубые глаза.

- Где твоё заявление? – голос отвратительно хрипит, выдавая моё состояние… и Нина замечает, моментально всё считывает по голосу, лицу, позе.

Молчит, а потом медленно, с удовольствием проводит розовым кончиком языка по верхней губе.

- Здесь.

И грациозно, почти невесомо опускается на колени. Её руки ложатся на мои бёдра, и я ощущаю жар её ладоней сквозь ткань брюк. Она медленно ведёт ими выше и смотрит на меня снизу вверх.

Сглатываю.

- Нина.

- Молчи, - говорит она мягко и накрывает ладонью пульсирующий член.

Я должен остановить её.

Должен… но вместо этого наклоняюсь, поддеваю пальцами её подбородок, поднимаю вверх и целую её зло, почти с ненавистью.

Глава 20

Женя

Как только первые лучи солнца щекочут моё лицо, я просыпаюсь. Лениво потягиваюсь под тонким одеялом и переворачиваюсь на бок. Смотрю в окно, слушаю, как птички красиво поют где-то рядом… и ловлю себя на том, что улыбаюсь.

Удивительно – я спала лишь несколько часов, до этого пережила не самые приятные события... но почему-то чувствую себя прекрасно.

Собранной, счастливой и выспавшейся.

Быстро прочь откидываю одеяло и сажусь на диване. Голыми ступнями касаюсь толстого ворса ковра и приятно жмурюсь.

Хо-ро-шо.

Достаю из сумки смену белья, любимую серую футболку со Спанч Бобом и голубые домашние шорты. Шлёпаю в ванную и быстро принимаю душ, тру себя мочалкой до красноты кожи… а вот у зеркала задерживаюсь надолго.

Синяки на шее за прошедшую ночь потемнели. Налились фиолетовым цветом. Стали ещё более жуткими. Я долго их рассматриваю, а потом аккуратно дотрагиваюсь кончиками пальцев.

Больно.

Убираю руку и снова смотрю на тёмные, отвратительные следы пальцев Марка на моей шее.

Шумно, протяжно выдыхаю и закрываю глаза.

Стою так несколько секунд, успокаивая вновь вспыхнувшие в груди эмоции: страх, боль, ненависть. А потом открываю глаза, бросаю ещё один короткий взгляд на жуткое клеймо и уверенно проговариваю:

- Пошёл ты к чёрту, Марк.

Не позволю ему испортить мне настроение в первый день моей новой жизни!

Одеваюсь, собираю волосы в гульку на затылке и уверенно выхожу из ванной. Также босиком иду на кухню.

Здесь нет плотных штор, поэтому солнце, пробиваясь сквозь прозрачный тюль, уже красиво золотит всё помещение. Напеваю под нос нашумевший хит, здороваюсь с кактусом и открываю холодильник. Достаю продукты, развожу тесто и начинаю жарить блинчики.

Когда горка на столе подрастает, из Сашкиной комнаты доносится сначала тихая возня, потом глухой звук падения чего-то, и, наконец, я слышу тяжёлые, медленные шаги по коридору.

Тихо посмеиваюсь, когда брат вваливается на кухню. Взъерошенные чёрные волосы торчат в разные стороны. Губа подбита. Сонные голубые глаза щурятся от солнца. Сашка застывает в дверном проёме, опираясь на косяк, смотрит на меня… а потом переводит взгляд на стопку блинчиков.

- Я всё ещё сплю, - хрипло произносит он.

- Иди умываться, соня, - смеюсь по-настоящему, легко и свободно. – Я сейчас накрою.

Сашка смотрит на блины. На меня. Потом снова на блины. Сглатывает, и я вижу, как дёргается его кадык.

- Надо было ещё год назад забрать тебя у мужа. Сто лет блины не ел.

- Умываться, Саш, - щёлкаю кнопкой электрочайника и гоню этого засоню в ванную.

Ощущение, что я снова попала в наше детство… только мамы не хватает…

Когда мы, наконец, садимся за стол, Сашка поглотив первый блинчик спрашивает:

- Какие планы на сегодня?

Намазываю смородиновый джем на блинчик в тарелке.

- Найду адвоката.

Сашка кивает. Несколько минут мы молча едим. А потом я решаюсь спросить:

- Саш.

- М?

- Я хочу позвонить конкуренту Марка, - ловлю на себе внимательный взгляд брата. – Пару лет назад он предлагал мне перейти к нему. Как думаешь, это… неэтично?

Сашка откладывает блин и выдыхает. Медленно опускает свой взгляд вниз на синяки, которые я решила не прятать. Смотрит несколько секунд, потом поднимает глаза на меня и без капли сомнения произносит:

- Это чертовски этично, сестрёнка.

От этих слов становится значительно легче, и я снова могу нормально дышать - тревога отпускает.

После завтрака устраиваюсь на Сашкином диване с ноутбуком.

Открываю браузер. Штудирую сайты юридических фирм. Читаю отзывы. Аккуратно, в столбик выписываю в блокнот фамилии, телефоны и адреса.

Без пяти десять сворачиваю все вкладки с адвокатами и открываю новую.

«Ювелирный дом Соболев. Контакты».

Шумно выдыхаю… и решительно беру телефон. Набираю номер и сразу, боясь перепедумать, нажимаю на вызов.

Внутри все вибрирует от напряжения.

Один гудок.

Второй.

Третий... и моё сердце стремительно падает в пятки, когда мне отвечают…

Глава 21

Женя

- Доброе утро, Ювелирный дом «Соболев», слушаю вас, - заученным голосом произносит секретарь, а я вдруг немею.

Совершенно не знаю, что сказать. В голове – ни одной мысли, ни одного слова. Только сердце колотится где-то в горле, и пальцы, сжимающие телефон, становятся влажными.

Проходит секунда. Две.

- Алло, вас не слы…

- Доброе утро, - перебиваю девушку севшим голосом и выдыхаю. – Я хотела бы поговорить с Андреем Геннадьевичем.

Уф. Наконец-то.

- Андрей Геннадьевич сейчас на совещании, - всё тем же красивым заученным голосом отвечает секретарь. – Как вас записать?

- Евгения Смирнова, - заставляю себя произнести уверенно. – Я по поводу работы. Андрей Ген…

- Я передам о вашем звонке господину Соболеву, - перебивает меня секретарь и припечатывает: - Всего доброго.

Гудки.

Громкие, резкие.

Они бьют по нервам, а последние фразы секретаря – по самооценке.

Тяжело выдыхаю. Смотрю на телефон в руке. На погасший экран, в котором отражается моё растерянное лицо.

Вот и позвонила называется.

Медленно плетусь на кухню и наливаю себе чай.

Сашка уже уехал на работу, так что теперь я предоставлена сама себе.

Настроение после звонка в Ювелирный дом «Соболева» стремительно катится вниз... но мне некогда раскисать.

Пью чай, параллельно пробегаюсь глазами по списку адвокатов в блокноте. Интуитивно выбираю две фамилии и решаю, что им позвоню в первую очередь.

Абсолютно без настроения закидываю в себя последний блинчик. Жую, не чувствуя вкуса и без удовольствия. Встаю, чтобы помыть руки и вздрагиваю, когда телефон на столе начинает подпрыгивать.

Быстро вытираю руки. Подхожу к столу и смотрю на экран.

Незнакомый номер.

В голове сразу возникает вопрос — кто это?

Марк? Нина? Юрист Марка?

Боже…

Телефон так и продолжает звонить… и я всё-таки решаюсь взять трубку.

- Алло, - мой голос звучит совершенно неважно, растерянно даже. Зараза.

- Евгения, доброе утро, - уверенный мужской голос заставляет моё сердце подпрыгнуть в груди. Юрист всё-таки…

- Это Соболев. Мне передали ваш звонок.

Бо-же.

Медленно опускаюсь на стул.

- Доброе, Андрей Геннадьевич.

Что ему дальше сказать-то? Что?!

Соболев словно слышит мою растерянность.

Да собственно почему «словно»? Слышит конечно.

- Евгения, - его голос становится мягче, теплее, - порадуйте меня – скажите, что вы решили рассмотреть моё предложение?

«Порадуйте меня».

Эти слова бальзамом ложатся на моё сердце. Настроение заметно ползёт вверх. Крепче сжимаю телефон пальцами.

- Да, - отвечаю, и голос мой звучит уже твёрже. – Я решила поменять место работы.

- Я рад, что вы позвонили именно мне.

В голосе мужчины слышно облегчение. Он даже будто улыбается.

- Когда вам удобно встретиться и где?

Быстро перебираю в голове варианты. Не думаю, что идти в офис Соболева сейчас будет хорошим решением. Кто-нибудь обязательно донесёт об этом Марку. Поэтому назначаю встречу в другом месте:

- Ресторан «Валентино» на набережной, знаете?

- Да.

- Тогда там сегодня в два дня, если вам это удобно, конечно.

- Удобно. В два часа в «Валентино». До встречи, Евгения. Очень надеюсь, что до этого момента вы не передумаете.

Вот теперь он точно улыбается. Я слышу это. Чувствую.

- Не передумаю, - отвечаю тоже с улыбкой. – До встречи, Андрей Геннадьевич.

Кладу трубку.

И тут же подскакиваю на ноги… и больно бьюсь бедром о стол.

- Чёрт… - шиплю, растирая ушибленное место.

Но в голове уже начинаю перебирать все вещи, которые взяла с собой, сбегая от мужа. И выдыхаю с облегчением, вспомнив, что среди них есть белая водолазка.

Теперь не нужно беспокоиться о том, чем прикрыть синяки на шее.

За час до встречи я уже полностью готова.

Стою у зеркала в коридоре и внимательно рассматриваю себя.

Белая водолазка сидит идеально, а главное – высокий воротник надёжно скрывает синяки. Волосы я распустила, тоже на всякий случай. Быстро наношу на губы полупрозрачный розовый блеск и остаюсь довольна своим отражением - убедительно выглядит, даже я могла бы поверить, что у меня всё отлично.

Ещё раз бросаю взгляд на закрытое горло, убеждаюсь, что воротник надёжно скрывает всё, что не должно быть видно… и уверенно шагаю навстречу своей новой жизни.

Ресторан «Валентино» встречает меня приглушённым светом, тихой музыкой и приятными ароматами пиццы и свежей зелени. На столиках расстелены белые скатерти, в небольших вазах стоят живые цветы.

Я останавливаюсь при входе и сразу вижу Его.

Соболев.

Он сидит за столиком у окна. Высокий. Широкоплечий. В белой рубашке с закатанными до локтей рукавами. Чёрные волосы чуть взъерошены, словно их коснулся ветер... но мужчине это даже идёт. Лицо волевое, с острыми скулами и внимательными голубыми глазами… которые тут же поднимаются на меня.

Мужчина встаёт.

Я подхожу к нему и протягиваю руку… а сама закусываю изнутри щёку в неловком смятении.

Он пожимает мою ладонь, и по моему телу будто ток пробегает.

Тихо сглатываю вставший в горле ком. Маленькие мурашки рассыпаются по моей коже, и я радуюсь, что этого под тканью водолазки не видно.

Смотрим друг другу в глаза.

- Здравствуйте, Евгения.

Глава 22

Женя

К нам подходит официант, принимает заказ, а потом быстро и бесшумно, как тень, исчезает.

Соболев берёт в руку бокал с водой и делает глоток, а я понимаю, что сейчас самое время для начала разговора, ради которого я сюда пришла.

Поднимаю взгляд на мужчину и произношу:

- Я готова принять ваше предложение, - начинаю уверенно и чуть тише продолжаю: - но, Андрей Геннадьевич, сначала, я должна предупредить вас о возможных… сложностях.

Соболев молчит. Он кладёт руки на стол и откидывается на спинку кресла.

Выглядит сейчас как царь, честное слово.

- Я развожусь.

Что ж, вот я это и сказала.

Смотрю, как медленно приподнимается бровь моего возможного работодателя. Его голубые глаза темнеют и становятся цвета неба перед грозой.

И я совершенно не уверена, что это хороший знак… но продолжаю:

- Я… я не буду утомлять вас подробностями моего развода. Только отмечу – решение это не спонтанное. И я не поверну назад. Шансов на примирение нет.

Соболев молчит.

Его потемневший взгляд не сходит с моего лица, и от этого мне немного не по себе.

- Как вы понимаете, - продолжаю, потому что молчать под этим взглядом решительно невозможно, - в компании супруга я больше работать не смогу.

Замолкаю и тихо выдыхаю. Опускаю взгляд на аккуратный букетик из первоцветов и кустовых роз, стоящий в центре стола.

Не думала, что так сложно будет говорить об этом.

Сердце стучит неприлично громко, и я почти уверена, что в этой тишине Соболев его слышит.

- Неужели, - произносит наконец Андрей Геннадьевич, - ваш муж вас так просто отпускает?

Бросаю на него короткий взгляд и тихо усмехаюсь.

Качаю головой.

- Увы, нет. – Горло сжимается, и голос сипит. – Он угрожает неустойкой и штрафом, прописанными в нашем контракте.

Произношу это спокойно. Даже ровно и, можно сказать, без эмоций.

Но чувствую, как бледнею, а внутри, несмотря на то что в зале тепло и солнце бьёт в панорамные окна, расползается холод.

Соболев медленно качает головой и придвигается к столу. Уголки его губ чуть приподнимаются.

- Как раз тут я его понимаю, - говорит он спокойно. – Вы слишком ценны, Евгения. Ваш уход из «Басса» опустит компанию вашего мужа на несколько уровней вниз, – он внимательно вглядывается в мои глаза. – По крайней мере, сейчас у него нет другого такого дизайнера, как вы. И сомневаюсь, что в ближайшее время появится. Вы самородок, Евгения. В нашей стране в ювелирке дизайнеров вашего уровня больше нет.

Он произносит это так, будто говорит о погоде или курсе валют, а мне краска бросается в лицо.

Слышать такое от от Соболева – это… лестно и приятно… чёрт, очень приятно, если уж быть совсем честной.

Смотрим друг другу в глаза.

- Но я спрашивал о другом, - произносит он, и его голос меняется… он становится тише, гуще. – Неужели ваш муж даст вам развод? Просто я не понимаю, - говорит Соболев медленно, - как можно отпустить такую женщину, как вы, Евгения.

Он замолкает, и между нами повисает тишина.

За окном по набережной идут люди, и вода негромко плещется о берег. Где-то в зале тихо звенит стекло.

А мне в голову вдруг приходит отвратительная мысль – просто Соболев ещё не видел идеальную Нину – она же настоящий секс-символ.

Пальцами сильно сжимаю салфетку, лежащую на коленях.

- Это… - начинаю, но Андрей Геннадьевич меня мягко перебивает:

- Пожалуйста, Евгения, извините, если я суюсь не в своё дело.

Неловкость, возникшую между нами, стирает бесшумно подошедший к нашему столику официант. Он ставит перед нами тарелки и исчезает.

Я опускаю взгляд на пасту и понимаю, что совершенно не хочу есть. Желудок сжат в комок.

- По поводу расторжения контракта, - произносит Соболев, беря вилку, будто и не было между нами неловкости, - не переживайте. – Он поднимает голову и смотрит на меня. – У вас есть возможность скинуть его мне на почту?

- Да.

- Отлично. Тогда поступим так: я попрошу своих юристов просмотреть его и дать заключение. И уже от этого и будем плясать. Но, Евгения, - продолжает он, и его голос становится чуть тише, - в любом случае, юридические и финансовые риски – это только мои проблемы. Ваша задача – создавать свои шедевры, не отвлекаясь на ненужную шелуху.

- То есть… Вы берёте меня?

Соболев откладывает вилку. Смотрит на меня уверенно. В глазах ни грамма насмешки.

- От вас невозможно отказаться, Евгения.

Глава 23

Женя

Сегодня я решаю приготовить праздничный ужин.

Хожу между рядами с продуктами в ближайшем к дому супермаркете.

Настроение приподнятое – с Соболевым мы договорились, что на работу я выхожу послезавтра. Своим юристам он оставил сутки на ознакомление с контрактом, заключённым между мной и фирмой мужа. И ещё за это время они должны будут составить для меня новый контракт с теми условиями, которые мы с Андреем Геннадьевичем за обедом обсудили.

Думаю об этом, и горячая волна радости снова поднимается в душе.

У меня есть работа!

Уверена, Сашка тоже будет в восторге.

И пусть ещё сидит внутри страх, что всё может сорваться... что, увидев цифры неустойки, прописанные в моём контракте, Соболев пойдёт на попятную… я верю в лучшее. И вспоминаю его слова: «От вас невозможно отказаться, Евгения», сказанные мне в лицо так уверенно, что и сейчас у меня по рукам разбегаются мурашки.

Домой возвращаюсь с небольшим тортиком, курицей и травами для запекания. Готовлю мясо с овощами в духовке, и по кухне быстро разносится аромат чеснока и розмарина.

Когда слышу, как в замке поворачивается ключ, я уже стою в прихожей. На губах – широкая улыбка. В груди – предвкушение.

Дверь открывается, брат шагает в прихожую, и я тут же висну у него на шее.

- Меня берут! – кричу я радостно. – Соболев меня берёт, Сашка!

Брат подхватывает меня крепко, привычно, и я чувствую, как он тихо смеётся – вибрация проходит через всё тело.

- Да ты что! – в его голосе слышится настоящая, живая радость. – Жень, это же...

Дальше я уже не слышу, потому что в открытой двери, за спиной брата, я вижу…Макса.

Он стоит на пороге и смотрит на меня исподлобья. Чёрная футболка обтягивает его широкие плечи и мускулистое тело. Покрытые цветными татуировками ладони убраны в карманы чёрных джинсов. Светлые волосы чуть взлохмачены.

Чувствую, как краска заливает мои щёки.

Бо-же.

На мне простая футболка с довольно улыбающимся Спанч Бобом и домашние трикотажные шорты. Волосы наспех скручены в гульку. Никакого макияжа.

И я вишу у брата на шее.

Я выгляжу так, будто мне шестнадцать, а не тридцать с лишним.

И Макс это видит.

Неловкость топит меня с головой. Когда Сашка наконец ставит меня на пол, я чувствую, как мои щёки горят, и слышу, как хаотично и яростно стучит моё сердце.

А брат ничего не замечает. Он ещё держит меня за плечи и улыбается.

Перевожу взгляд на него и тоже растягиваю на лице улыбку.

- Я так рад, Жень. – Сашка на шаг отходит от меня и тут же сдёргивает с себя галстук, пятернёй ерошит чёрные, красиво уложенные волосы. – А я пригласил к нам Макса. Будем смотреть чемпионат мира по футболу.

Он снимает ботинки и спохватывается, резко оборачивается ко мне:

- Если ты не против конечно. Мы можем и в спорт-бар пойти.

- Нет-нет, - говорю я, и мой голос звучит чуть выше, чем я хотела бы. – Оставайтесь.

Отхожу подальше, к стене, освобождая место для Максима. Сердце в груди по-прежнему стучит неровно.

Макс заходит в квартиру.

Закрывает за собой дверь.

Подходит ближе.

- Здравствуйте, Евгения, - говорит он, и от его низкого спокойного голоса по моим рукам разбегаются мурашки.

- Добрый вечер, Максим, - нахожу в себе силы ответить.

Сталкиваемся взглядами на короткий миг, а потом взгляд Макса, ничуть не стесняясь, опускается ниже – скользит по моим открытым ногам, задерживается на футболке со Спанч Бобом и поднимается к моим волосам, собранным в гульку.

Потом резко опускается на синяки на шее. Хмурнеет. И только потом снова находит мои глаза.

А мне так неловко...

Ну почему Сашка не предупредил меня!

- Я… - начинаю, сглатывая вставший в горле ком, потому что что-то надо сказать, чтобы прервать это неловкое молчание. – Я даже попробую посмотреть вместе с вами.

- Правда? – брат удивлённо смотрит на меня.

- Да, - пытаюсь улыбнуться естественно. – А вы ужинать будете? Я приготовила курицу.

Сашка поднимает руку и смотрит на часы.

- У нас есть двадцать восемь минут, - говорит он и быстро шагает в спальню. – Я сейчас. Только сниму с себя эту офисную жуть.

Дверь за ним закрывается.

Я остаюсь в прихожей.

С Максом.

Наедине.

Я чувствую его взгляд на себе, но не решаюсь посмотреть в ответ.

Какая-то чёртова неловкость!

В прихожей тихо. Только слышно, как тикают часы на стене, и за окном проезжает машина.

А потом эту тишину нарушает голос Макса:

- Как ты себя чувствуешь, Женя?

Глава 24

Женя

Чертовски неловко.

Именно это хочется мне ответить, но я понимаю, что Максим спрашивает сейчас меня не как Сашин друг, а как врач.

И всё равно все чувствительные волоски на моих руках приподнимаются от его низкого, чуть хрипловатого голоса.

- Хорошо, - я всё-таки поднимаю на него взгляд. – Ничего не болит.

Вру конечно. К шее до сих пор больно прикасаться.

Максим несколько секунд смотрит мне в глаза, потом снова бросает быстрый взгляд на синяки, которые мне сейчас очень хочется прикрыть рукой, но я сдерживаю себя, чтобы этого не сделать.

- Если будет сильно болеть, используй мазь, которую я тебе написал, - Макс снова ловит мой взгляд... и, конечно, он мне не верит.

- Ладно, - киваю. – Проходи на кухню, - отталкиваюсь от стены и иду вперёд. – Надеюсь, против курицы ты ничего не имеешь?

- Я только за, только руки помою.

Когда парни заходят на кухню, я уже успеваю переодеться. Меняю шорты на лёгкие домашние штаны, собираю волосы в высокий хвост. И так чувствую себя гораздо увереннее.

Ужинаем мы быстро – Сашка ест торопливо, одним глазом посматривая в телефон и комментируя стартовый состав. Напряжение между мной и Максимом всё ещё сохраняется, периодически я чувствую на себе его взгляд. Сашка, разумеется, ничего не замечает и болтает за троих – про матч, про состав, про то, что центральный защитник играет с травмой и это катастрофа.

Я киваю в нужных местах. Макс отвечает коротко и по существу.

К концу ужина я замечаю, что плечи у меня немного опускаются. А ещё мы с Максом уже полностью переходим на «ты». И от этого становится легче, будто один узел неловкости между нами развязался.

Один из многих. Но всё же.

На диван в гостиной мы садимся втроём.

Сашка занимает любимый угол и закидывает ноги на журнальный столик, пакет чипсов держит на коленях, бутылку колы - в руке. Когда включаем телевизор, лицо у брата становится таким сосредоточенным, будто в этот момент решается судьба мира.

Я смотрю на него и смеюсь. Устраиваюсь посередине дивана, ноги подтягиваю под себя. Макс садится слева от меня – спина прямая, пальцы постукивают по подлокотнику.

Первый тайм идёт ровно – ноль-ноль. Парни молчат, но у меня создаётся впечатление, что они внутренне готовятся к худшему. Я же просто смотрю на экран и честно пытаюсь понять, что происходит - я никогда не была фанаткой футбола.

Мы хрустим чипсами. Сашка доливает нам холодной колы, и она тихо шипит в стаканах.

- Вот этот – наш? – уточняю я примерно на двадцатой минуте, показывая на экран.

Сашка смотрит на меня с такой болью в глазах, что мне становится почти стыдно.

- Женя, у них разного цвета форма.

- Я знаю, что разного. Просто уточняю.

Слева Макс издаёт короткий тихий смешок.

Скашиваю на него прищуренный взгляд, но он упорно делает вид, что смотрит на экран. Только я вижу, как уголок его рта подрагивает.

Ладнооо.

В уме уже подбираю слова, чтобы сказать что-нибудь колкое… и в этот момент наши забивают.

- Гоооол!!!

Сашка взрывается первым – вскакивает, опрокидывает на пол чипсы, орёт. Макс быстро поднимается, сжимает кулаки и бросает резкое:

- Да!

И в этом одном слове столько сдержанной силы, что я невольно улыбаюсь, а потом вместе с Сашкой ору сама.

Громко, от души, совершенно не думая о том, как это выглядит со стороны.

Смеёмся оба. Макс смотрит на нас, я чувствую его взгляд, но когда оборачиваюсь, в его зелёных глазах что-то на мгновение мелькает и тут же исчезает…

Вечер получается хорошим.

Я, честно говоря, даже не ожидала, что так весело проведу время.

Сплю в эту ночь крепко и без снов – не вижу ни кошмаров, ни Марка.

Просыпаюсь сама и раньше будильника. Несколько секунд лежу, глядя в потолок, и прислушиваюсь к себе.

Внутри тихо. Не больно. И это уже кое-что.

За окном бледно-голубое чистое утро. Внизу шумит улица.

Я лежу и думаю о том, что завтра выхожу на работу… а у меня нет ни одной блузки или платья с высоким воротником. И вот это проблема.

Встаю. Умываюсь.

Сашка уже ушёл на работу, но оставил мне завтрак на столе. Улыбаюсь и откусываю кусочек сладкого сырника.

Очень вкусно.

Брат научился отлично готовить.

Стою у окна на кухне и пью горячий, крепкий кофе с молоком. За стеклом по тротуару спешат на работу люди, едут машины, открываются кафе. Город просыпается и живёт своей жизнью.

Жизнью, в которую мне завтра придётся вновь окунуться.

Убираю за собой на кухне и решаю пройтись по магазинам. С одеждой всё-таки что-то нужно делать.

Торговый центр встречает меня прохладой кондиционеров и приятным ароматом кофе из ближайшей кофейни на первом этаже.

Поднимаюсь на второй этаж и методично заглядываю в каждый магазин – откуда-то быстро сбегаю, а где-то задерживаюсь надолго и выхожу уже с обновками.

В очередном бутике снимаю с вешалки тёмно-синее платье. Плотная ткань, рукав три четверти, ворот высокий, почти под горло.

То, что мне нужно.

Разворачиваюсь, чтобы идти в примерочную.

И резко останавливаюсь.

Потому что в метре от меня стоит Нина и буравит меня своим взглядом. На её холодном идеальном лице сначала появляется такое же секундное оцепенение, как у меня. А потом оно исчезает, и вместо него появляется едкая ухмылка.

- Какая неожиданная встреча, - произносит она и делает шаг ко мне.

Глава 25

Женя

- Действительно. Крайне неожиданная и неприятная, - отвечаю уверенно. Пресмыкаться перед этой ядовитой змеёй я не собираюсь.

Чтобы Нина поняла, что она мне не интересна, я снова опускаю свой взгляд на выбранное платье, рукой провожу по тёмно-синей ткани.

Слышу, как любовница мужа цокает языком, но больше на неё не смотрю. Пусть подавится своим ядом. Но Нина не сдаётся - она пальцами касается подола платья в моих руках и тут же жалит словами:

- Это… отвратительный выбор, - я вскидываю голову, а она окидывает меня презрительным взглядом и добивает: – но тебе пойдёт.

Внутри меня закипает гнев, и я бы с удовольствием сейчас его выплеснула наружу... но не буду.

- Обязательно, - отвечаю максимально ровно и спокойно. Подбородок сам задирается выше… и я прекрасно вижу, как это Нину злит.

Идеальные губы любовницы Марка недовольно кривятся. Мгновение – и она наклоняется ко мне ближе, но я даже не дёргаюсь.

С места не схожу. Вот ещё!

- Ты же понимаешь, что уже проиграла мне, Женя, - её тихий отвратительный голос режет слух, я вся напрягаюсь, хоть и стараюсь выглядеть расслабленно. – Отступись. Мы с Марком любим друг друга. Ты просто мошка, которая случайно прилипла и застряла между нами, - она опасно щурится. Раньше это бы произвело на меня впечатление, сейчас - нет. – Мешаешься.

А вот теперь улыбаюсь я, хоть её слова и отдаются во мне неприятным, болезненным жжением где-то под рёбрами.

Моя реакция злит любовницу мужа. Её идеальное лицо становится жёстче.

- Ты думаешь, он вернётся к тебе?!

Я лишь качаю головой и отвечаю также спокойно:

- Я вообще не думаю ни о Марке, ни о тебе. У меня достаточно дел, чтобы не вспоминать о таких ничтожествах.

Нина хочет ответить. Я вижу, как вспыхивают ненавистью её глаза, но рядом с нами останавливается другая покупательница и начинает перебирать платья на вешалках. Нина молчит, только на её шее и лице появляются некрасивые красные пятна. А потом она вдруг ехидно улыбается и рукой поправляет свою идеальную причёску… рукой, на которой красуется созданный мной браслет из последней коллекции.

И вот это уже плевок в мою душу.

Пульс начинает частить и отдаётся гулом в ушах.

Змея, конечно, замечает мой взгляд и довольно облизывает свои подкаченные у косметолога губы.

- Марк подарил, - произносит она всё с той же ядовитой улыбкой. – Правда, красивый?

Я тоже улыбаюсь. И надеюсь, по мне не видно, что внутри всё разрывает от злости… и обиды.

Да, чёрт возьми, обиды!

- Конечно, он красивый, - не спускаю с неё своего взгляда. – Я. Создаю. Уникальные. Украшения.

Нина замирает. Её улыбка гаснет. Я вижу, как она недовольно поджимает губы.

- Я тебя предупредила – не вздумай возвращаться, - снова шипит змея мне в лицо. – Тебя никогда не должно было быть рядом с Марком!

Я смеюсь.

От души и свободно.

А потом вешаю платье на локоть и отвечаю, ставя точку в этом затянувшемся разговоре:

- Я и не собираюсь. Марк весь твой. Дарю. И надеюсь, ты теперь оставишь меня в покое.

Нина злится.

Ой, как же она злится.

Взглядом своим меня готова испепелить. Вот только мне плевать на неё и её ненависть.

Собираюсь развернуться и уйти в примерочную, но в этот момент дверь бутика открывается… и в помещение входит Она.

Грозная. Недовольная. Со сжатыми в тонкую бледную нитку губами.

Татьяна Рудольфовна.

Моя свекровь.

Вот же чёрт.

Она проходит между рядов с одеждой и останавливается рядом с нами. Её тёмный взгляд поочерёдно касается Нины, потом меня. Она сильно хмурит свои идеальные брови.

- Женя, - произносит Татьяна Рудольфовна ледяным голосом. – Очень хорошо, что мы встретились, - смотрит она на меня. – Нам нужно серьёзно поговорить. В прошлый раз ты повела себя по-хамски, когда бросила трубку. Надеюсь, сегодня ты не сбежишь.

Глава 26

Женя

Нет, сбегать я точно не собираюсь. Даже хорошо, что свекровь появилась здесь – разом закрою все нерешённые вопросы.

Думаю об этом и внутри даже уверенности прибавляется.

Татьяна Рудольфовна стоит передо мной – высокая, статная, с прямой спиной и расправленными плечами. От неё пахнет дорогими духами – резкими и холодными, как она сама. Тёмно-синее платье красиво облегает её фигуру, чёрные длинные волосы уложены в высокую причёску, на лице идеальный макияж. Даже в свои годы она выглядит как чёртово совершенство.

Смотрю на неё и понимаю – я никогда ей не нравилась. Даже когда я старалась и пыталась угодить ей во всём. Мы слишком разные… а вот с Ниной они очень похожи в своём стремлении заставить весь мир крутиться вокруг себя.

Свекровь презрительным взглядом пробегается по моей причёске, лицу, почти нетронутому косметикой, по высокому горлышку белой водолазки и простым чёрным джинсам. Морщится.

А мне смешно становится и так хорошо, что теперь не нужно оправдываться и притворяться, ведь теперь мы друг другу уже никто. К счастью.

- Татьяна Рудольфовна, я смотрю вы уже выбрали себе подходящую сумочку, - сбоку раздаётся приторно-сладкий голос Нины, и моя официально пока ещё свекровь поворачивается к ней.

И я замечаю, как быстро меняется выражение её лица – становится до отвратительного довольным.

- Да, Ниночка, подобрала наконец, но пришлось обойти несколько магазинов.

- Ох, она замечательная и к вашему платью идеально подходит, - улыбается Нина своей голливудской улыбкой, а потом уголки её губ медленно опускаются. - А я вот платье для корпоратива так и не нашла, а ведь мне нужно соответствовать - я впервые иду на такое грандиозное мероприятие с Марком.

Она торжествующе поглядывает на меня... только зря.

Мне безразлична эта информация. Да что-то ещё неприятно покалывает в груди, но уже почти незаметно. Свою любовь к мужу я уже пережила.

- Ниночка, - свекровь делает шаг вперёд, пальцами касается руки любовницы Марка и заискивающе заглядывает ей в глаза, - может быть ты тогда зайдешь пока в соседний магазин – я видела, там есть прекрасные наряды – а я пока, - она оборачивается ко мне и снова на поджимает губы, - поговорю с Женей.

Нина довольно улыбается.

- Конечно, Татьяна Рудольфовна, - она бросает на меня полный триумфа взгляд, - я подожду вас там.

- Спасибо, милая.

Они разговаривают, а мне от этого приторного сиропа становится так противно. Они же обе просто лицемерки.

Нина наконец-то уходит, не забывая толкнуть меня плечом напоследок. Гадина.

- Женя, - поворачивается ко мне свекровь и произносит ледяным голосом, – я хочу, чтобы ты выслушала меня.

А я вот не хочу. Но придётся, поэтому…

- Я вас слушаю, - говорю ровно.

- Не здесь, - она окидывает взглядом бутик. – Наедине. Давай пройдём в кафе. Я видела на первом этаже.

Качаю головой. Нет уж.

- Татьяна Рудольфовна, у меня нет времени на долгие разговоры и посиделки. Говорите, что вы хотели.

Свекровь хмурится. Её глаза сужаются, становятся холодными и колючими.

- И всё-таки ты хамка, Женя! Как ты смеешь так со мной разговаривать? - шипит.

Складываю руки на груди.

Она сейчас серьёзно?

- А как я должна с вами разговаривать? – В моём голосе такой же лёд. – Вы звоните мне и называете мерзавкой. Вы защищаете своего сына, хотя он душил меня и получил по заслугам. Вы только что стояли здесь, рядом с женщиной, которая разрушила нашу с Марком семью, и улыбались ей, - прямо смотрю ей в глаза – мне стесняться нечего. – Так как я должна с вами разговаривать?

Её лицо перекашивает от злости.

- Вот как ты заговорила, - синие, такие же как у Марка, глаза с ненавистью смотрят на меня. – Мой сын тебя подобрал, приютил, - её голос становится тихим, угрожающе шипящим. Пальцы с силой сжимают ремешок новой сумочки, - а твой мерзавец брат избил его! Да вы оба...

- Хватит, - резко обрываю её. – Я не позволю вам оскорблять Сашу. Наш разговор закончен. Надеюсь, мы больше никогда не увидимся, - перехватываю платье и иду к примерочным, но отойдя на пару шагов оборачиваюсь и добавляю: - И удачи вам с Ниной.

Свекровь ещё что-то зло выговаривает мне вслед, но я не обращаю на её слова никакого внимания.

Хватит.

Захожу в примерочную и вешаю платье на крючок. Расстёгиваю молнию на джинсах и слышу, как вибрирует в кармане мой телефон.

Быстро достаю его. Смотрю на экран и шумно выдыхаю.

Марк.

Глава 27

Женя

Слушать упрёки и угрозы мужа нет никакого желания. Мне уже хватило на сегодня разговоров. Поэтому я ещё несколько секунд смотрю на вспыхнувший экран… и просто выключаю телефон.

Поворачиваюсь к зеркалу, смотрю на своё отражение и довольно улыбаюсь.

- Вот. Так гораздо лучше, Женя, - уверенно говорю себе и раздеваюсь.

В бутике тихо играет джаз. Слышно, как за шторкой шуршат ткани и стучат друг об друга вешалки. А я смотрю на тёмно-синее платье в своих руках. Ещё раз провожу ладонью по гладкой ткани и надеваю его.

Прохладная ткань скользит по телу и красиво облегает фигуру, высокий воротник мягко касается шеи, скрывая синяки. Тяну молнию вверх до конца и кручусь перед зеркалом.

А мне нравится!

Даже очень.

Платье сидит идеально.

Снова улыбаюсь своему отражению.

- Хорошо, - говорю я себе тихо. – Очень хо-ро-шо.

Ещё раз пробегаюсь по себе придирчивым взглядом и аккуратно снимаю обновку.

Выхожу из бутика с несколькими обновками, и моё настроение снова ползёт вверх.

Когда с ворохом пакетов я прихожу домой, брат уже ждёт меня на кухне. Он сидит за столом с чашкой чая в руках и смотрит в телефон, но, услышав мои шаги, поднимает голову.

- Ох ни фига себе! – восклицает он, когда замечает гору пакетов в моих руках. – Ты ограбила магазин?

Я лишь улыбаюсь.

Быстро закидываю купленное в свою комнату и возвращаюсь на кухню.

- Я смотрю, день у тебя прошёл плодотворно, - Сашка наливает мне чай и ставит в микроволновку запеканку.

- Очень, - устало растираю лицо и решаю рассказать брату о произошедшем сегодня. – Представляешь, я сегодня встретила в торговом центре двух кобр.

- Двух?

- То есть на кобр ты не удивляешься? – усмехаюсь.

Сашка мотает головой и смеётся.

- Неа. Но надеюсь их имена ты мне назовешь?

- Нина... ну которая давняя любовь Марка, и моя дорогая свекровь.

Сашка ставит передо мной тарелку с запеканкой и чашку с чаем. Достаёт из холодильника молоко.

- И что они хотели? – спрашивает и садится напротив меня.

Наливаю в чай молоко и отвечаю:

- Нина – показать браслет из моей новой коллекции, который ей подарил Марк. Ну и соответственно заявить, что мой муж теперь со всеми потрохами её, – подцепляю вилкой кусочек картофельной запеканки и отправляю его в рот. – Ммм, божественно… - на мгновение отдаюсь ощущениям и прикрываю глаза.

- Не отвлекайся.

Вздыхаю, откладываю вилку и продолжаю:

- А свекровь пришла, чтобы напомнить мне, что я никогда не была достойна её сына.

Сашка усмехается.

- Ну а ты?

Широко улыбаюсь и радуюсь, что этот разговор не приносит мне дискомфорта - кажется, я начинаю выздоравливать.

- Нине я сказала, что Марка дарю. А свекрови пожелала удачи с Ниной.

Сашка смотрит на меня и одобрительно кивает.

- Молодец. Но в следующий раз звони мне, когда они появятся. Я быстро отобью у этих су… змей желание подходить к тебе.

Смеюсь.

Вечер проходит отлично. Мы заказываем пиццу, забираемся на диван и включаем фильм. Сашка, как в детстве, комментирует почти каждую сцену, а я смеюсь и иногда толкаю его локтем в бок, чтобы наконец замолчал.

Засыпаю по-настоящему счастливой, а утром просыпаюсь очень рано.

За окном уже ярко светит солнце, и начинает просыпаться город.

Умываюсь и готовлю сырники. Когда встаёт Сашка, мы завтракаем. Потом я быстро наношу на лицо лёгкий макияж, надеваю новое тёмно-синее платье. Волосы распускаю, а по бокам перехватываю чёрные пряди заколками.

Сашка довозит меня до офиса.

Я беру сумку, открываю дверь. Сердце от волнения громко тарабанит в груди.

- Женька, - говорит брат.

Я оборачиваюсь.

- Если что – звони. Я сразу приеду.

Улыбаюсь.

- Спасибо, Саш.

- Удачи тебе. Ты справишься.

- Знаю, - смеюсь и выхожу из машины. Брат машет мне рукой, разворачивается и уезжает.

А я остаюсь стоять на тротуаре и смотрю на высокое здание впереди, от которого у меня дух захватывает.

Моя новая работа и новая жизнь.

Сжимаю пальцами сумку с планшетом и уверенно, с улыбкой на лице шагаю вперёд… но через несколько метров останавливаюсь.

Марк.

Чёрт.

Муж в чёрной рубашке и таких же чёрных брюках стоит у своей машины и выискивает меня среди потока спешащих на работу людей.

Нервно сглатываю.

Как он узнал?

Внутри всё сжимается в ледяной ком. Холод ползёт по позвоночнику.

Оглядываюсь назад, хотя прекрасно знаю, что брат уже уехал.

Я одна.

Делаю глубокий вдох и снова шагаю вперёд… но в этот момент Марк замечает меня.

На его лице появляется не улыбка – хищный оскал.

Он отталкивается от машины и решительно шагает ко мне.

Глава 28

Женя

Вот. Же. Гад.

Зло прищуриваюсь и больно кусаю губы. И хоть волнение накатывает на меня жуткими волнами, и пальцы намертво вцепляются в ремешки сумки, я инстинктивно выше задираю подбородок и своего взгляда с пока ещё мужа не спускаю.

А Марк словно ледокол разрезает поток людей между нами и уверенно прёт вперёд. Чёрная рубашка до предела натянута на широких плечах, мрачный взгляд припечатывает меня к месту.

Только даже задыхаясь от волнения, я понимаю – насильно усадить меня в свою машину он не сможет. Мы на людях. Вокруг сотни глаз и камеры.

Марк ни за что не навредит своей репутации.

Поэтому держи голову выше, Женя.

Шаг.

Ещё один.

Мой глубокий вдох… и Марк уже стоит от меня в полуметре.

Ветер тут же доносит до меня знакомый аромат табака и сандала, но теперь он вызывает во мне только горечь.

Стоим напротив друг друга и молчим. Марк зло сминает пальцами и отшвыривает в сторону потухшую сигарету, которую от волнения я только сейчас замечаю. Напряжение нагревает воздух между нами, жаром касается кожи.

Я не могу сказать, что эта близость нисколько не напрягает меня – о, нет, она током пробегается по моим натянутым нервам и заставляет сердце яростнее стучать. Но я не опускаю своего взгляда.

А Марк… он медленно проходится по мне своим ледяным взглядом. Касается волос, платья, скользит по ногам, задерживается на них непозволительно долго… снова резко, быстро поднимается к глазам.

И молчит.

А когда он наконец открывает рот, я заговариваю первая:

- Что ты здесь делаешь?

Поднимаю руку и поправляю упавшую на лицо прядь, завожу её за ухо.

Марк замирает.

Его глаза сужаются и на скулах отчётливо проступают желваки. Мой вопрос… или моя такая непривычная дерзость… явно выводит его из себя. И, судя по его лицу, намного сильнее, чем если бы я сейчас закричала.

- А ты… любимая? – Марк наклоняется ко мне ближе и теперь давит на меня не только своим прожигающим взглядом, но и своей чёртовой массой. Его горячее, злое дыхание касается моего лица. – Я смотрю, ты забыла, где твоё место, Женя.

Усмехаюсь.

- Ты пришёл напомнить мне моё место? Как мило.

Марк злится ещё больше.

Я вижу это по тому, как напрягаются его плечи, как сжимаются челюсти. И меня так обдаёт его гневом, что дышать получается только через раз. Неосознанно ловлю момент, когда он прячет руки в карманы чёрных брюк, и тихо сглатываю.

Внутри меня всё кричит: «Беги!».

Но я стою.

Только кожа со следами его пальцев на моей шее начинает гореть.

Как напоминание. И предупреждение.

- Садись в машину, Женя, - тихо говорит Марк, опасно нависая надо мной.

Качаю головой.

- Нет. Я больше не работаю на тебя.

- Да неужели? – Он некрасиво скалится. – Похоже, ты забыла про наш контракт? Или у тебя вдруг появились деньги на штрафы и неустойку?

Он произносит это шипя. И вот теперь уже улыбается. Победно и мерзко.

- Решил снова дёрнуть меня за поводок? – Отвечаю спокойно и складываю руки на груди… и кто бы знал, чего это мне сейчас стоит… - Неужели я так похожа на комнатную собачку?

Мгновение глаза в глаза.

Одно рваное отчаянное биение сердца.

- Хватит играть со мной, Женя, - Марк напирает.

Делаю полшага назад, но он всё-таки успевает схватить меня за запястье. Мужские пальцы впиваются в мою кожу, и их хватка мгновенно становится стальной.

Муж быстро загораживает нас ото всех своей широкой спиной, наклоняется ко мне и цедит в лицо:

- Быстро. Села. В машину.

Сердце яростно подпрыгивает в груди. Я пытаюсь вырвать руку, но Марк сжимает ещё сильнее.

Чёрт. А вот это уже больно… и страшно.

И вполне возможно, паника накрыла бы меня с головой, но я вдруг замечаю знакомую мужскую фигуру уверенно и быстро приближающуюся к нам. А потом слышу низкий, холодный, пропитанный сталью голос:

- Я бы на твоём месте отпустил Евгению, Марк.

Глава 29

Женя

Марк замирает.

Мгновение стоит неподвижно, будто не верит своим ушам. А потом медленно оборачивается… и я вижу, как его лицо перекашивает от полыхнувшей злости.

- Не лезь не в своё дело, Андрей, - цедит он сквозь сжатые зубы.

А пальцы Марка на моём запястье рефлекторно сжимаются сильнее, будто он сам этого не замечает.

Морщусь от прошившей руку боли, и Соболев это видит.

Он делает шаг вперёд. Решительно, без колебаний. Подходит вплотную, наклоняется чуть ближе. И ровно, почти мягко чеканит, не спуская с Марка взгляда:

- Отпусти. Женю. Марк. – От его тихого и такого опасного спокойствия по моей коже рассыпаются ледяные мурашки. – Иначе я обеспечу тебе крупные неприятности.

Муж смотрит на него несколько секунд. Одна его бровь медленно ползёт вверх.

- Угрожаешь мне?

- Предупреждаю. Потом не удивляйся.

- И что же ты сделаешь?

- Для начала скину записи с камер в сеть. – Соболев чуть поворачивает голову, и я прослеживаю за его взглядом: над входом в офисный центр, напротив которого мы стоим, висят две камеры. – Как считаешь, этого будет достаточно или добавить?

Тишина вокруг нас вибрирует напряжением и скрытой опасностью.

Марк смотрит на камеры. Потом снова переводит взгляд на Соболева… и что-то в его лице неуловимо меняется.

Пальцы на моём запястье медленно разжимаются.

Почувствовав свободу, я сразу отступаю от мужа на пару шагов, чтобы он больше не мог до меня дотянуться, и перевожу дыхание. Запястье горит. Я осторожно потираю его пальцами, понимая, что скоро там будет синяк.

Ещё один.

Мужчины так и стоят напротив друг друга. Молчат. Воздух между ними всё сильнее накаляется.

Я понимаю, что до драки они оба не опустятся, но всё-таки мне не по себе.

Марк выше Соболева на полголовы и чуть шире в плечах… Я вижу, как руки он медленно убирает в карманы брюк, уже там сжимая ладони в кулаки. Желваки гуляют на его скулах. Он дышит зло, коротко, часто… Весь он сейчас, как до предела сжатая пружина.

Соболев не двигается. Просто стоит. Он не кричит, не наступает, не давит, но от исходящей от него холодной ярости, кажется, даже воздух становится ледяным. И его взгляд… от него веет чем-то жутким… и именно он страшнее всего.

- Не лезь в мои отношения с женой, Андрей, - говорит Марк тихо… опасно, словно последний раз предупреждая.

Соболев несколько секунд смотрит на него молча, а потом переводит взгляд на меня.

- Иди в офис, Евгения. Я скоро подойду.

- Ни хрена.

Марк быстро делает шаг в сторону и перекрывает мне путь раньше, чем я успеваю двинуться.

- Женя никуда не пойдёт, - говорит он твёрдо, глядя на меня в упор. – Ей уже пора возвращаться на работу.

Я нервно сглатываю.

Вот и настал момент истины.

Секунда. Две.

Поднимаю взгляд на Марка. Очередная порция адреналина впрыскивается в кровь. Сердце в груди на мгновение сжимается и тут же отпускает.

- Я больше не работаю на тебя, Марк, - стараюсь говорить ровно, хотя внутри всё дрожит.

- Что ты сказала?

- Евгения теперь работает на меня и разрывает с тобой контракт. Сегодня утром мои юристы тебе пришлют уведомление, и мы всё оформим. Штрафы и неустойку я выплачу.

Марк замирает. Секунду смотрит на меня потемневшим взглядом. А потом медленно, очень медленно переводит его на Соболева… и в нём видна такая концентрированная ярость, что у меня от волнения на руках приподнимаются чувствительные волоски.

- Ты не посмеешь, - произносит он холодно, почти без интонации.

- Уже посмел, - отвечает Соболев таким же ледяным голосом.

Мы стоим в тишине.

Я слышу только своё дыхание… слишком громкое, слишком частое…

Смотрю на застывших напротив друг друга мужчин и вдруг отчётливо понимаю – между Марком и Соболевым что-то происходит… какой-то давний, застарелый конфликт, явно существовавший задолго до меня.

Это настораживает… и пугает.

- Значит, вот как ты решил сыграть, - очень тихо произносит Марк.

Соболев молчит. Я замечаю, как он сжимает челюсти, и желваки ходят на его скулах.

- Ты сам это начал, Марк.

Глава 30

Женя

Соболев уверенно шагает чуть впереди, и я вижу, что он знает наизусть каждый угол этого здания. Иду за ним следом и стараюсь успокоиться и дышать ровно, но внутреннее волнение никак не отпускает – я отчётливо понимаю, что далеко не всё знаю об отношениях Марка и моего нового работодателя.

И самое неприятное – я не знаю, как это ударит по мне.

На шестом этаже мы выходим из лифта и попадаем в царство белого мрамора и стекла. Пока мы идём по широкому коридору, я, ненадолго оставив терзающие меня вопросы, с интересом заглядываю за прозрачные стеклянные стены. В коридоре слышны приглушённые голоса и тихий гул кондиционеров, и откуда-то из-за дверей доносится аромат свежего кофе.

Соболев ведёт меня в самый конец коридора, останавливается у широкой белой двери и открывает её.

- Ваша мастерская, Евгения.

Он жестом приглашает меня войти.

Делаю пару шагов вперёд, прохожу внутрь и на несколько секунд замираю.

Осматриваюсь.

Здесь просторно и светло. Белые жалюзи на большом окне открыты, и солнечный свет полосами ложится на рабочие столы. Их несколько – разных размеров, под различные задачи. На одном из них, ближайшем к окну, замечаю ноутбук. На других – с умом, а не просто для вида, расставлены инструменты.

Приятный аромат дерева и металла щекочет нос.

Моя мастерская.

Сердце пропускает удар, а потом сильно бьётся о рёбра.

- Нравится?

Голос Соболева возвращает меня в реальность.

Оборачиваюсь и улыбаюсь.

- Очень, - отвечаю искренне.

- Здесь есть всё необходимое, - Андрей Геннадьевич тоже входит в мастерскую и закрывает за собой дверь. Внимательным взглядом быстро пробегает по инструменту, лежащему на столах. – Но, если чего-то не хватает, скажите – добавим.

Подхожу к одному из столов, провожу пальцами по гладкому краю и аккуратно подвигаю в сторону ноутбук. Достаю из сумки свой планшет.

- Вы не против, если я буду работать на своём?

- Работайте, Евгения, я не против, - кивает Соболев. – Главное, чтобы вам было удобно.

- Спасибо.

Кладу свою сумку на кресло и прохожу вдоль столов, внимательно рассматривая всё оборудование, которое на них установлено.

- Здесь вы будете работать над эскизами и прототипами. Евгения, я знаю, что вы всегда изготавливаете пробное изделие сами, - говорит Андрей Геннадьевич, внимательно глядя на меня.

Мне остаётся лишь кивнуть.

- Это действительно так.

Как же хорошо он меня знает.

- Основное производство расположено ниже, на отдельном этаже. Я познакомлю вас с командой после обеда, если вы не против.

- Не против.

Я останавливаюсь у окна. Несколько секунд смотрю вниз на оживлённую улицу и разворачиваюсь. Руки опускаются на подоконник и с силой сжимают его.

Мысли о Марке и Соболеве снова вспыхивают в моей голове.

Я замечаю, как Андрей Геннадьевич бросает на меня внимательный взгляд, хмурится. А потом шагает к столу и садится в рабочее кресло.

- Я вижу, что сегодняшний визит вашего мужа оставил у вас неприятный осадок. И у вас есть вопросы. Задайте их, Евгения, - говорит он серьёзно, - я честно на все отвечу.

Несколько секунд я молчу.

Соболев сидит, сложив ногу на ногу, и выглядит спокойным и расслабленным.

Что ж, раз он сам предлагает…

- Что происходит между вами и Марком? - спрашиваю прямо. – Это же не просто деловая конкуренция? У вас какие-то личные счёты?

На самом деле, мне бы меньше всего хотелось быть замешанной в какие-то их нерешённые вопросы. Мне уже достаточно преследования Марка.

Соболев смотрит на меня несколько секунд и отвечает:

- Вы правы. Я обещал отвечать честно, но не уверен, что вам будет приятно это слышать.

- Думаю, я выдержу.

Надеюсь.

- Хорошо. - Мужские пальцы начинают медленно стучать по серым пластмассовым подлокотникам. – Несколько лет назад в моей фирме появился талантливый дизайнер. Екатерина Строгова. У нас были достаточно близкие отношения.

Соболев отводит взгляд в сторону, а у меня по спине ползёт холодок. Становится не по себе.

- Марк переманил её к себе? – тихо спрашиваю и чувствую, как краснею.

Чертовски неудобно лезть в личное.

- Марк её соблазнил, - поправляет меня Соболев ровно, без тени эмоций в голосе. – Но это я бы ему простил.

Мы замолкаем.

В тишине мастерской я слышу собственное дыхание.

- Что он сделал?

Глава 31

Женя

Соболев поднимает на меня взгляд, и я замечаю, что его голубые глаза быстро темнеют – становятся похожими на тяжёлое грозовое небо.

Он молчит секунду. Две. И произносит:

- Он убил её.

Эти холодно брошенные слова, словно острым ножом, отсекают всё, что было между нами до этого – лёгкость и непринуждённость общения, вежливость и уважение.

На моём горле будто затягивается удавка.

- Что?.. – рвано выдыхаю.

Пальцы до боли сжимают край подоконника.

- Он. Убил. Её.

Соболев повторяет эти слова с той же интонацией и тем же холодом в голосе и поднимается. Медленно, почти лениво, словно опасный хищник, и в два шага подходит ко мне.

Останавливается в полуметре.

Его взгляд прожигает меня и в то же время удерживает, как магнит.

Задираю вверх голову, чтобы не терять его.

- Не пугайтесь так, Евгения. – Голос Андрея Геннадьевича становится чуть мягче… или мне это только кажется? – Конечно, ваш муж сделал это не своими руками.

Провожу кончиком языка по пересохшим губам. Сердце с силой расталкивает по венам похолодевшую кровь.

- Я не понимаю… зачем?..

Соболев не отвечает сразу.

Я смотрю на него – на то, как он держится, как стоит, как сложены его руки. Всё кажется правильным… и всё-таки что-то не так – ладони постоянно медленно сжимаются и разжимаются, лицо бледное и напряжённое, голос слишком ровный.

И холод.

Сколько же сейчас холода в нём…

Опускаю голову.

А в следующее мгновение… я сама не понимаю, как это происходит, но моя рука поднимается вверх и касается шеи. Кончики пальцев ложатся на воротник-стойку и сквозь плотную ткань поглаживают болезненные следы на коже, которые оставил мне Марк.

Внутри меня всё стягивается в тугой узел.

Снова провожу подушечками пальцев по ткани и прислушиваюсь к себе.

Мог ли Марк убить человека?

Хмурюсь и тихо выдыхаю.

Чувствую, что Соболев по-прежнему не сводит своего взгляда с моего лица и ловит каждую мою эмоцию.

- Ответ прост, Евгения, - нарушает наше, ставшее невыносимым молчание Андрей Геннадьевич, - Марк хотел потопить меня и заставил Катю забрать с собой все эскизы новой коллекции.

Он замолкает, а я резко поднимаю голову и ловлю его тёмный, грозовой взгляд.

- Но не смог, - добавляет Соболев. В его голосе только лёд и сталь. – Катя не была профессиональным шпионом. Она оставила следы.

После последней произнесённой фразы в нём что-то меняется. Едва заметно, но я замечаю. Взгляд остаётся тёмным, но не таким грозным, голос чуть смягчается.

Соболев отводит взгляд и становится рядом со мной у окна.

Он молчит и смотрит вниз, на улицу.

Я дышу очень тихо. До жути боюсь услышать продолжение… и одновременно хочу этого.

Соболев будто читает мои мысли и продолжает, ладонями опираясь о подоконник:

- Мои юристы уже готовили иски. Но мы не успели, - он поворачивается ко мне, и наши взгляды встречаются. – Когда Марк понял, что у меня есть доказательства, что Катя украла разработки, он решил оборвать с ней все связи, - на мгновение он замолкает, а потом произносит: – через пару дней её сбила машина. На пешеходном переходе. Машина с заляпанными грязью номерами.

Я не знаю, что на это сказать.

Глухие удары моего сердца отдаются в ушах… а потом внутри всё медленно замерзает.

- Получается… вы пригласили меня на работу, чтобы позлить Марка.

Неужели я попала в очередную ловушку…

- Нет, Евгения.

Соболев смотрит на меня прямо.

- Я взял вас на работу, потому что вы талантливый дизайнер, - он полностью разворачивается ко мне. – И я не позволю Марку сломать ещё и вас.

Его чётко и твёрдо произнесённые слова прорываются сквозь гул в моей голове. А в следующую секунду – я не успеваю ни отступить, ни как-то по-другому среагировать – Соболев поднимает руку и осторожно, двумя пальцами, отгибает воротник моего платья.

Тихо выдыхаю, а Соболев долго смотрит на синяки на моей шее.

Я не могу пошевелиться и вижу, как лицо Андрея Геннадьевича становится каменным.

- Но Евгения, - он убирает руку и смотрит мне в глаза. Его взгляд становится серьёзным, а голос твёрдым, решительным. – Я не буду скрывать – с вашей помощью, я уничтожу его.

Глава 32

Марк

Сижу в своём кабинете, запрокинув голову вверх.

Башка гудит. Трещит так, что кажется, вот-вот развалится на куски. Пульс отдаётся в висках глухими ударами.

Прикрываю на мгновение глаза, чтобы унять эту боль, но становится только хуже.

Перед мысленным взором снова появляется наглая холёная рожа Соболева. Я будто опять стою там, на парковке, и вижу, как он закрывает Женю от меня, снова чувствую его ледяной, спокойный взгляд на себе.

Да какое вообще право он имеет вставать между мной и женой?!

- Мразь, - зло шиплю и бью кулаком по подлокотнику.

Чёрная кожа жалобно скрипит под ударом.

- Какая же он мразь!

Резко вскакиваю. Кресло отъезжает назад и с грохотом бьётся о стену.

Я тяжело дышу. Сердце бешено колотит в груди.

Широкими шагами пересекаю кабинет. Сейчас меня не радуют ни дипломы, висящие на стенах, ни награды, стоящие на полках.

Подхожу к огромному окну. Смотрю вниз – подо мной лежит весь город. Серые крыши домов, стеклянные башни ресторанов, ленты дорог, по которым ползут машины.

Чёрт! Да весь мир сейчас лежит у моих ног!

Сейчас, когда я на пике. Пока у меня ещё есть Женя.

Сжимаю челюсти и качаю головой. Если Соболев считает, что я просто так ему её отдам, то он ошибается. Женя – моя. Была. Есть. И будет.

Зло разворачиваюсь на пятках и подхожу к сейфу. Быстро ввожу код, и замок с тихим щелчком открывается. Металлическая дверца отъезжает в сторону.

Поднимаю документы на верхней полке и из-под них достаю простую картонную папку. Она легко ложится в руку. Никогда и не подумаешь, что информация, которая спрятана в ней, потянет на несколько лет тюрьмы.

Уголок губ довольно ползёт вверх, и сердце немного успокаивается.

Всё-таки хорошо, когда есть план и козыри в рукаве.

Снова сажусь в своё кресло и кладу коричневый картон, завязанный сбоку обычной верёвкой, на стол. Провожу по нему рукой – шершавая поверхность чуть царапает пальцы.

Закрываю глаза, и воспоминания накрывают волной.

Катя Строгова.

Ещё никем не признанная звёздочка, которую на каком-то районном конкурсе художников заметил Соболев. В те годы он уже намного обходил меня – его бизнес активно развивался, поглощая маленькие ювелирные мастерские и фирмочки одну за другой. Он с умом набирал себе лучших мастеров.

А я тогда ещё плавал. Плохо понимал, что к чему.

Но я быстро учился.

Когда увидел новую лимитированную коллекцию Соболева, в создании которой участвовала Катя, до меня дошло – она выведет фирму Соболева на пару уровней выше.

Я не мог этого допустить.

Ни тогда, ни сейчас… никогда он не будет лучше меня.

Да, тогда меня жгла зависть.

Тёмная. Ядовитая. Страшная.

И я решился на ту опасную аферу.

Девчонка уже начала встречаться с Соболевым, но мне достаточно было несколько раз встретиться с ней. Подарить парочку дорогих украшений, наплести ей про любовь и сделать вид, что я – её спасение от скучного и правильного до мозга костей Андрея.

Конечно, она клюнула.

Нужна ли она мне была как девушка? Нет. Конечно, нет.

Всё, что мне от Кати было нужно – чтобы она забрала с собой эскизы новой коллекции, которую Соболев разрабатывал не один месяц и которую готов был представить через пару недель.

Конечно, Катя оставила следы за собой следы. И конечно, я избавился от неё.

Знал ли я, что сделаю это, когда впервые подошёл к ней? Да.

Кати не стало, и все ниточки ко мне оборвались. А эскизы новой коллекции Соболева попали в сеть.

Всё. Мой план удался.

Пока дизайнеры Соболева разрабатывали новую коллекцию, моя фирма представила свою. Я хорошо заработал. Щёлкнул по носу своего конкурента и вырвался вперёд.

Поэтому совесть моя молчит – я никогда ни о чём не жалел.

Снова провожу пальцами по шершавой поверхности. Развязываю верёвки и открываю папку. Взгляд сразу цепляется за фотографию – белая машина с заляпанными грязью номерами. Она уезжает с места, где сбили Катю.

Несколько секунд смотрю на фото и отодвигаю его. Достаю следующее.

На нём та же машина. Только теперь она стоит в гараже Соболева. С несколькими недомытыми пятнами на чётко видном номере.

Провожу по ней пальцами.

И улыбаюсь.

- Андрей, Андрей, - произношу в тишине кабинета. – Ты даже не представляешь, что у меня есть на тебя.

Глава 33

Женя

Домой возвращаюсь на два часа раньше, чем планировала.

Дверь за мной закрывается с тихим щелчком. Прижимаюсь к ней спиной и несколько секунд просто стою и пустым взглядом смотрю в коридор.

«Он убил её».

Эти тихо и чётко произнесённые слова Соболева всё ещё звучат в моей голове, но я отчаянно не хочу в них верить. Потому что если признать, что это правда, что Марк мог…

Качаю головой и отталкиваюсь от стены. Оставляю в своей комнате сумку, достаю красные клетчатые пижамные штаны и белую водолазку, полотенце. Иду в ванную и встаю под душ.

Выкручиваю температуру почти до максимума и стою под обжигающе-горячими струями, пока кожу не начинает щипать. Потом безжалостно растираю себя мочалкой.

Я хочу смыть с себя всё. Утреннюю встречу с Марком, его злость и следы его пальцев на моём запястье… я хочу, чтобы голос Соболева в моей голове перестал повторять: «Он убил её».

Я хочу забыть всё.

Вода барабанит по голове и плечам, а я упираюсь ладонями в кафель и просто дышу… дышу, не представляя, как мне теперь жить с этой правдой.

Выхожу из душа. Вытираюсь, и мягкое белое полотенце болезненно царапает распаренную до красноты кожу. Переодеваюсь. А потом упираюсь ладонями в край раковины, поднимаю голову и смотрю на себя в зеркало.

Кажется, что ничего во мне не изменилось, я всё такая же, какой была утром… но на самом деле сегодняшний день изменил всё.

Теперь я знаю, что Марк совсем не тот прекрасный и благородный мужчина, за которого он себя выдавал. И все его нападки, и агрессивные выпады, после которых моя кожа усыпана синяками, не странное отклонение от его обычного поведения. Нет.

Это его истинная натура взяла верх.

Я несколько лет жила с настоящим чудовищем.

Признать это сложно, да. Я не хочу верить... сердце ещё трепыхается, отрицая правду, но умом я уже принимаю её.

Тяжело вздыхаю и отхожу от раковины.

Бросаю ещё один взгляд в зеркало и убеждаюсь, что высокий воротник водолазки закрывает мою шею полностью.

Хорошо.

Не хочу, чтобы Сашка лишний раз видел эти синяки. Не хочу, чтобы нервничал.

Привычными движениями собираю влажные волосы в косу и шагаю на кухню.

Солнце ещё во всю светит в окно, и его тёплые лучи красиво ложатся на мебель, пол и на стоящий на подоконнике Сашкин кактус.

Открываю холодильник. Достаю рыбу, зелень. Решаю приготовить праздничный ужин. Готовка меня отвлечёт от страшных мыслей, и брата удастся порадовать.

Чищу картошку для пюре и ставлю кастрюлю на огонь, рыбу заворачиваю в фольгу и убираю готовиться в духовку. Торт, который купила в магазине, уже ждёт вечера в холодильнике. Быстро строгаю салат и тоже отправляю его в холодильник… а мои руки уже требовательно тянутся к ноутбуку.

Открываю его и, пока не передумала, быстро печатаю в поиске: «Екатерина Строгова авария». Нажимаю Enter.

Открываю выпавшие вкладки одну за другой.

«Молодой дизайнер погибла в результате наезда неустановленного автомобиля» - короткая сухая заметка на городском новостном портале. К ней прикреплено тёмное, смазанное, явно снятое кем-то из очевидцев фото – белая машина с заляпанными грязью номерами. Увы, по этому снимку невозможно определить даже её марку – слишком всё нечётко.

Грудь сдавливает, и по телу разливается холод, когда я читаю первые строки, но я заставляю себя прочесть всё до конца… пусть даже правда оказывается страшнее любых догадок.

«Екатерина Строгова: восходящая звезда ювелирного дизайна или расчётливая мошенница?» - это уже наш отраслевой журнал. Статья немного длиннее и подробнее. Есть даже фотография Кати – она на ней улыбается и держит в руках бархатную коробочку с золотыми серьгами. А ниже снова то же самое тёмное фото белой машины.

Увеличиваю масштаб и быстро, жадно скачу по строчкам.

«…бывшая сотрудница ювелирного дома Соболева, подозреваемая в хищении разработок новой коллекции… …компания понесла значительный репутационный и финансовый ущерб… …погибла при невыясненных обстоятельствах, водитель с места происшествия скрылся… …дело не раскрыто».

Открываю третью вкладку. Четвёртую.

В каждой сухой текст и одна и та же фотография. Белая машина. Грязные номера. Тёмный снимок, на котором ничего нельзя разглядеть.

«Катя погибла на месте», - пишет один автор.

«Смерть молодого дизайнера до сих пор остаётся загадкой», - несколько лет спустя размещает заметку другой.

Закрываю последнюю вкладку и несколько секунд смотрю в экран.

С одной стороны, я испытываю странное, почти болезненное облегчение. Соболев мне не солгал. Ни в чём. Каждое слово, которое он произнёс в мастерской, подтверждается – статьями, датами, фотографиями. Значит, я могу ему доверять.

Медленно закрываю ноутбук.

Слышу, как за окном проезжает машина, и вода в кастрюле начинает закипать…

А с другой стороны… Марк убил человека.

И мне сейчас страшно подумать, что он может сделать со мной… а в том, что он попытается что-то нехорошее предпринять, у меня теперь нет никаких сомнений...

Глава 34

Женя

- Жень, ты меня балуешь, - едва выговаривает брат с набитым ртом.

Я смеюсь, глядя на него. Какой же он всё-таки ещё ребёнок. Казалось бы, уже взрослый, ходит на работу в деловых костюмах, а выглядит сейчас сытым и довольным ребёнком, так, будто ему снова десять лет.

- Давай ешь, - говорю я с улыбкой. – Тебе ещё рыбы положить?

- Я сам, - он тянется к блюду и накладывает себе добавку. – Жень, если я месяц на таком отборном питании проживу – одежду придётся менять на размер больше.

- И что в этом плохого?

- Я устану ходить в тренажёрку и буду ныть, - он усмехается. – Выдержишь?

Мы оба смеёмся. Легко, без напряжения, и я чувствую, как сжатая пружина в груди понемногу расслабляется.

- Как прошёл первый день? – спрашивает Сашка, отодвигая от себя пустую тарелку и хватаясь за чашку с чаем.

Я смотрю на него и вдруг понимаю, что не хочу ему ничего рассказывать сейчас. Лучше мы поговорим об этом завтра, после того, как я схожу к адвокату. Тогда у меня уже будет первая информация по разводу, вот и вывалю на Сашку всё разом.

- Всё прошло хорошо. Соболев показал мне мою мастерскую. Она просторная, светлая, с дорогим оборудованием. Мне понравилось, и коллектив меня встретил довольно радушно. По крайней мере, мне так показалось.

Улыбаюсь, вспоминая с каким интересом меня сегодня все рассматривали.

- А он сам? – Сашка прищуривается. – Ну, этот Соболев, нормальный мужик?

- Да, - я киваю. – Нормальный. И он завтра организует мне встречу с адвокатом, - продолжаю и аккуратно отпиваю горячий чай. – По разводу.

Сашка одобрительно выставляет большой палец.

- Отлично. Чем быстрее начнёшь – тем быстрее покончишь с этим мудаком Марком. Он, кстати, больше тебе не звонит?

- Я заблокировала его.

- Умница. Пусть теперь лапшу свою на уши вешает судье.

Встаю и собираю посуду, убираю её в раковину.

- Жень, слушай, - я оборачиваюсь, а Сашка прокашливается, прочищая горло, и смотрит на меня виновато. – Сегодня ночью будет новый матч и…

- И вы с Максом снова будете смотреть его у нас дома, - заканчиваю за него.

Усмехаюсь и качаю головой.

Сашка тихо шмыгает носом.

- Мне просто показалось, что тебе вчера понравилось.

- Да, было весело, - киваю.

- Отлично, - брат выдыхает с облегчением. – Значит, ты нас не выгонишь?

- Сегодня не выгоню, - я улыбаюсь. Нет, Сашка ещё действительно ребёнок. – Но в следующий раз вы для разнообразия сходите в спорт-бар.

- Ок, не вопрос, - он довольно улыбается. – Мы так и сделаем. Но сегодня посидим здесь, с тобой.

Может это и к лучшему. Ложится спать рано и снова гонять в голове мысли о Марке, Соболеве и убитой Кате я не хочу.

- Так, я сейчас что-нибудь приготовлю или закажем пиццу?

- Ничего не надо, - Сашка машет рукой и тоже поднимается. – Макс принесёт колу и чипсы.

- Ладно.

Я быстро мою посуду, и мы перебираемся в гостиную. Сашка включает нужный канал, и в этот момент раздаётся звонок в дверь.

- Я открою.

Встаю, иду в коридор. Открываю дверь.

На пороге стоит Макс. Чёрная футболка обтягивает его широкие плечи, одна рука убрана в карман чёрных джинсов, в другой – пакет из супермаркета. Светлые волосы чуть растрёпаны.

Он смотрит на меня, и я почему-то не могу отвести взгляд от него… и снова чувствую то самое напряжение, которое возникло между нами вчера.

Неловкое. Молчаливое. Непонятное.

- Здравствуй, Женя, - говорит он своим низким голосом, от которого у меня опять мурашки разбегаются по рукам, проходит в квартиру и закрывает за собой дверь.

Наш зрительный контакт разрывается, и я снова могу говорить.

- Здравствуй, Максим. Проходи.

Он снимает кроссовки, и мы вместе шагаем в гостиную. Сердце моё в этот момент слишком громко и часто стучит, но я стараюсь не обращать на это внимания.

Макс выставляет на низкий столик колу и три больших пакета чипсов. Сашка щёлкает пультом и прибавляет громкость.

Сажусь на диван. Макс опускается рядом.

Его близость отдаётся во мне непонятной, какой-то тягучей тяжестью. Он сидит так близко, что я чувствую его аромат – свежесть моря и тонкие древесные ноты.

Наконец матч начинается, и я отвлекаюсь. Сашка снова комментирует каждую передачу, ругается и тут же громко радуется удачной подаче. Я пытаюсь смотреть на экран, но сегодня мои мысли не о футболе.

Я не смотрю на Максима. Но иногда чувствую на себе его взгляд.

В какой-то момент я краем глаза замечаю, как Макс тянется к чипсам. Его рука оказывается рядом с моей.

Совсем близко.

Я отрываю взгляд от экрана и смотрю на плотно набитые татуировки, которые покрывают эту руку. На чёрные линии, которые уходят вверх под рукав футболки… и вдруг чувствую странное желание – прикоснуться к ним.

Не осознавая, что делаю, протягиваю руку. Мои пальцы касаются предплечья Максима, ведут вверх по его тёплой коже… и вдруг замирают.

Подушечками пальцев я чувствую грубые, выпуклые неровности... словно под тату спрятаны… шрамы?

Глава 35

Женя

Мышцы под моими пальцами каменеют, и я резко, будто обожглась, отдёргиваю руку.

Сашка, не замечая ничего вокруг, что-то радостно кричит в экран, а мы с Максимом словно оказываемся в вакууме – звуки гаснут, всё исчезает… остаются только его зелёные глаза, смотрящие мне прямо в душу.

- Прости, - шепчу.

Он несколько секунд молчит и кивает, а потом разворачивается обратно к экрану.

Мои щёки горят от стыда. Жар поднимается по шее вверх и у меня начинают пылать даже уши. Сердце так сильно бьётся в груди, будто пытается проломить рёбра и вырваться наружу.

Я смотрю в телевизор, но больше не вижу ничего – ни мяча, ни игроков, ни футбольного поля.

Отлично, Женя. Просто отлично.

Что меня вообще дёрнуло прикоснуться к нему?

Как я себе это позволила?

Я же едва знаю Максима.

Кошмар.

Если бы здесь сейчас не было парней, я бы запрыгнула в кровать и накрылась с головой одеялом.

Ну вот какого чёрта ты полезла к нему, Женя?!

Ругаю себя, но мои мысли почему-то не останавливаются на стыде. О нет, они идут дальше, и я ничего не могу с этим сделать.

Шрамы.

Их так много. Они спрятаны под плотными татуировками, на которые я теперь смотрю совершенно иначе – не как на красивый рисунок, а как на занавес… за которым Максим скрывает рубцы.

Тайком бросаю взгляд на его руки, но не замечаю ни одного шрама - только отличную работу мастера.

А в голове звучат вопросы:

Как Максим получил их?

Что с ним случилось?

Сашка снова что-то кричит. Вскакивает. Опять садится. Хватает чипсы и снова подпрыгивает.

Я не слышу ни слова из того, что он громко выговаривает в экран.

- Так, я курить, - резко говорит Сашка, когда судья объявляет перерыв. – Нервы ни к чёрту.

Видно, что первый тайм его основательно взбаламутил. Брат подхватывает со стола смятую пачку и буквально вылетает на балкон. Стеклянная дверь закрывается за ним с громким резким щелчком.

Мы с Максимом остаёмся вдвоём.

Я смотрю в телевизор. На экране показывают кричащих болельщиков с плакатами в руках, потом снова перечисляют участников матча. Я почти не слежу за происходящим, лишь мельком наблюдаю.

Когда молчание между мной и Максимом становится невыносимым, я открываю рот, чтобы ещё раз извиниться, но Макс меня опережает:

- Спрашивай, - говорит он и оборачивается.

Смотрит на меня прямо, и один уголок его губ ползёт вверх в ленивой ухмылке.

- Я же вижу, что у тебя полно вопросов, Женя.

Его голос теперь другой. Нет, в нём нет отчуждённости, обвинения или холода… но всё-таки он не такой, как раньше. Что-то ушло из него, и эта пустота царапает меня изнутри.

Я его обидела. Или влезла туда, куда он никого не хотел пускать.

Чёрт.

Как теперь это исправить?

- На самом деле у меня только один вопрос, - говорю осторожно. – И ты можешь не отвечать.

- Задавай.

Он берёт банку колы и делает один долгий глоток.

- Как ты их получил?

Максим ставит банку на стол и сразу, без паузы отвечает:

- Авария. Пять лет назад. Моя машина врезалась в столб и взорвалась, - он тихо выдыхает, а я вижу, как сильно напряжено его тело – ему до сих пор сложно говорить об этом. – Меня успели вытащить, но я сильно обгорел.

Внутри всё замирает.

- Пожалуйста, прости, что я так… бесцеремонно полезла к тебе, - говорю тихо. – Я не имела права.

Максим смотрит на меня секунду и улыбается. На его правой щеке появляется красивая ямочка, которую я раньше не замечала.

- Ничего. Не парься, Женя, - он качает головой. – Рано или поздно ты бы всё равно узнала.

- И всё равно я не должна была…

- Всё нормально, Женя, - Максим произносит это спокойно, словно ничего не произошло… но я чувствую, что это не так.

Он не хотел, чтобы я знала.

Заставляю себя примирительно кивнуть и снова упираюсь взглядом в экран.

В этот момент балконная дверь открывается, и Сашка врывается обратно, принося с собой запах сигарет и прохладный воздух с улицы.

Он смотрит на нас и кривится.

- А вы чего такие мрачные? Поссорились, что ли?

- Нет, - отвечаем мы одновременно с Максимом.

Сашка с подозрением смотрит на нас по очереди, но больше не развивает эту тему. Пожимает плечами и плюхается на диван.

- Ладно. Второй тайм начинается, давайте, сотрите с лиц свои кислые мины.

Следующие сорок пять минут парни увлечённо следят за игрой. Резко вскакивают и кричат, когда их команда забивает очередной гол. Обнимаются с чипсами в руках.

Дети.

Я наблюдаю за ними и почти не слежу за игрой. Слушаю комментаторов вполуха. Иногда даже улыбаюсь.

Но на душе неспокойно.

Мои мысли снова и снова возвращаются к словам Максима.

Авария. Пять лет назад. Машина взорвалась.

Я незаметно смотрю на его руки и представляю, что он скрывает под татуировками.

Не могу перестать думать об этом.

Как только матч заканчивается, Сашке кто-то звонит. Брат смотрит на экран и сразу берёт трубку. Он остаётся стоять посреди гостиной, когда мы с Максимом поднимаемся.

Предлагаю Максу чай, но он отказывается. Я не подаю вида, но его отказ отдаётся болезненным уколом в моей груди.

Мы молча идём в прихожую. Я смотрю, как он надевает кроссовки и выпрямляется. Берётся за ручку двери.

И вдруг оборачивается.

Смотрит на меня внимательно. Улыбается и спрашивает:

- Женя, теперь, когда ты так много знаешь о моих несовершенствах, согласишься ли ты пойти со мной на свидание?

Глава 36

Женя

- Это всё, что у вас есть? – адвокат осторожно, но твёрдым голосом спрашивает меня и внимательным взглядом всматривается в моё лицо. – Возможно, есть что-то ещё, что исходило от мужа? Какие-то угрозы, сообщения, записи разговоров?

Его вопросы током проходят по коже. Моё тело вытягивается струной.

Вспоминать про Марка до жути неприятно, как и снова погружаться во всю эту грязь. Каждое слово о нём, словно прикосновение к едва затянувшейся ране.

Опускаю взгляд вниз, на свои сцепленные на коленях пальцы. Качаю головой.

- Я не собираюсь покрывать мужа, - говорю тихо. – Но это действительно всё, что у меня есть.

Неужели он откажет мне?

От такой перспективы внутри всё стягивается тугим узлом. В горле пересыхает.

Я снова медленно поднимаю глаза на адвоката, к которому мне посоветовал обратиться Соболев.

Мужчина сидит напротив меня в удобном кожаном кресле. Молодой, ненамного старше меня, с острыми скулами и чёрными короткими волосами. Его карие глаза несколько секунд смотрят на меня внимательно, почти пронизывающе, а потом адвокат чуть отклоняется назад, и его взгляд смягчается. Он несколько раз задумчиво постукивает пальцами по медицинской справке, которую мне выдал Максим.

- Хорошо, Евгения Юрьевна, - наконец произносит он. – Этого уже более чем достаточно. Я займусь вашим делом.

Надеюсь, он не замечает, с каким облегчением я сейчас выдыхаю. Мои скрюченные на коленях пальцы сами разжимаются и начинают нервно наглаживать тонкий лён брюк.

- Думаю, в понедельник мы с вами встретимся вновь. Пройдёмся по списку имущества, и вы решите, что хотите оставить себе или, возможно, получить в денежном эквиваленте. Потом я подготовлю все документы и отправлю их вашему мужу.

Киваю и, наконец, чувствую, как тревога постепенно покидает меня, а вместо неё в груди разливается тихое спокойствие.

- Евгения Юрьевна, - продолжает Марат Ильсурович, – мне понадобится ваша подпись на доверенности, чтобы я мог представлять ваши интересы. Как я понял из нашего разговора, Вы не хотите видеть мужа и общаться с ним лично.

- Да, - отвечаю твёрже, чем от себя ожидала. – Вы правы – я действительно больше не хочу ни разговаривать, ни встречаться с Марком.

Адвокат кивает.

- Тогда я подготовлю все необходимые бумаги. Мы встретимся в понедельник и всё оформим.

- Хорошо, - я поднимаюсь и добавляю: - И спасибо вам.

- Не за что, - он тоже встаёт, и уголки его губ ползут вверх. – Евгения Юрьевна, поверьте, развод, каким бы сложным он ни был, в любом случае состоится. Мы со всем обязательно справимся.

Киваю и покидаю кабинет адвоката. На улицу выхожу с двояким ощущением.

С одной стороны, дышать становится легче, потому что я сделала ещё один шаг к своей свободе. С другой – я понимаю, как много мне ещё придётся пройти: судебные заседания, переговоры. Но радует то, что всем этим займётся адвокат, и мне не придётся больше общаться с Марком.

Погружённая в эти мысли я возвращаюсь на работу. Сажусь за стол в своей мастерской, открываю планшет. Провожу по экрану несколько тонких чёрных линий… и вдруг перед собой вижу взгляд.

Горячий. Опаляющий. Дерзкий.

Максим.

Вспоминаю, как он смотрел на меня вчера, когда задал свой вопрос… и внутри снова растекается жар. Щёки мгновенно покрываются стыдливым румянцем, а сердце громче барабанит в груди.

Вчера я ничего не успела ответить ему – в коридоре появился Сашка... и вообще, я ничего не должна была отвечать, то есть...

Смотрю на пустой экран планшета и качаю головой.

- Женя, ты замужняя женщина. О чём ты вообще думаешь? Ну какие свидания? – тихо, но твёрдо говорю себе... а в моей голове вдруг рождается новое украшение.

Яркое. Необычное. С ослепительным сиянием рубиновых граней.

Кольцо, похожее на пламя, и мне так хочется показать эту страсть, заключённую в камне.

Быстро начинаю делать наброски. Рука летает по планшету, и чёткие чёрные линии ровно ложатся на экран.

Я не думаю о том, что делаю сейчас. Все мысли вылетают из головы - я просто рисую и позволяю себе чувствовать эмоции камня.

Работаю над эскизом до позднего вечера – просто ловлю вдохновение за хвост и старательно удерживаю его в своих руках. В итоге, когда я, наконец, откладываю планшет, за окном уже начинает темнеть.

Но разве это важно?

Я смотрю на черновой эскиз и улыбаюсь.

- Готово. И даже лучше, чем я видела в своей голове.

Потягиваюсь в кресле и поднимаюсь из-за стола. На душе непривычно легко.

Бросаю ещё один быстрый взгляд на своё новое творение и выключаю планшет. Убираю его в сумку, закрываю мастерскую и выхожу на улицу.

Дверь за мной тихо закрывается, а сильный порыв ветра тут же бьёт в лицо, поднимает волосы, жестоко развевая их. Придерживаю их рукой и поднимаю голову к хмурому небу.

Скоро будет гроза.

Плотнее прижимаю к себе свою сумку и быстро сбегаю по ступеням. Стук моих тонких серебряных каблучков разлетается громким эхом по почти пустой стоянке… и вдруг резко стихает.

Останавливаюсь, а мой взгляд сталкивается с зелёными глазами стоящего у капота большого тёмно-синего монстра Максима. Его руки скрещены на широкой груди. Чёрная футболка обтягивает мощные плечи.

Он стоит, прислонившись к машине, и смотрит на меня. Чуть склоняет голову вбок, и уголок его губ дерзко приподнимается… а я наконец отмираю.

Сердце подпрыгивает к горлу. Я стараюсь идти ровно и уверенно, хоть и чувствую, как под мужским обжигающим взглядом у меня начинают пылать не только щёки, но и уши… и снова жар разливается под кожей.

- Что ты здесь делаешь? – поднимаю руку и придерживаю непослушные волосы, которые сейчас с силой треплет предгрозовой ветер.

Озон разливается в воздухе вместе с ароматом сирени. Где-то вдалеке раздаётся первый раскат грома.

- Жду тебя.

От его слов я краснею ещё сильнее. Понимаю, что Макс стоит здесь уже минимум пару часов.

- Я не знала, что ты приедешь, - кончиком языка обвожу пересохшие от волнения губы. – Извини.

- Не извиняйся, Женя, это было исключительно моё желание, - отвечает Максим просто и по-прежнему смотрит мне в глаза. – Ты вчера не ответила на мой вопрос.

Он делает шаг ко мне, и я понимаю, что слишком остро чувствую его близость, слышу его дыхание.

Воздух между нами пульсирует напряжением.

- Поэтому я спрошу тебя снова, - Максим наклоняется ко мне и говорит тише, но его слова грохотом отдаются в моём сердце. – Женя, ты пойдёшь со мной на свидание?

Время между нами растягивается. Я смотрю в его глаза. Слышу, как ветер шелестит кронами деревьев, как где-то рядом гремит гром.

И открываю рот, чтобы ответить, но вздрагиваю от неожиданности, когда рядом раздаётся знакомый голос:

- Евгения, вас подвезти?

Глава 37
Женя

Успеваю заметить, как напрягается рядом Максим, и оборачиваюсь.

В метре от меня стоит Соболев. Его голубые глаза сейчас выглядят совсем тёмными... или это только так кажется из-за нахмурившегося неба?

Он несколько секунд смотрит на меня, а я под его прямым пронзительным взглядом замираю. Прохладный вечерний воздух и так уже пропитан надвигающейся грозой, но сейчас он будто искрит – кажется, ещё пара секунд, одно неосторожное слово или движение, и он полыхнёт.

Слышу, как Максим делает шаг вперёд и встаёт ближе ко мне. Чувствую его тепло за спиной. Он чуть касается меня плечом… будто защищая, но не навязываясь.

Мужчины напряжённо смотрят друг на друга.

Я чувствую, как воздух между ними натягивается до звона, как струна готовая вот-вот лопнуть... и, наконец, отмираю.

- Андрей Геннадьевич, познакомьтесь, - говорю, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно. – Это Максим. Мой друг. – Поворачиваюсь к Максу, – Максим, это Андрей Геннадьевич Соболев. Я у него работаю.

Мужчины пожимают друг другу руки… коротко, слишком крепко, глядя друг другу в глаза.

- Евгения, - Соболев снова переводит взгляд на меня. – Моё предложение в силе.

- Спасибо, но… - начинаю, но меня быстро перебивает Максим:

- У нас заказан столик в ресторане.

Максим шагает вперёд и выходит из-за моей спины, встаёт рядом.

Соболев смотрит на меня. Потом на Максима. Его лицо остаётся бесстрастным, но я чувствую – что-то в нём меняется. Будто ему не нравится то, что он видит и слышит.

Втроём застываем на несколько секунд в неловкой давящей тишине.

Моё сердце громко и часто стучит в груди, а пальцы холодеют от напряжения.

Наконец, Соболев кивает.

Медленно. Сдержанно. И, почему-то мне кажется, неохотно.

- Тогда желаю вам хорошего вечера, - произносит он ровно и холодно. Разворачивается и уходит.

- Спасибо… - тихо говорю ему в спину, но Соболев, конечно, меня уже не слышит.

Он уверенно и спокойно идёт к своему автомобилю, а я смотрю ему вслед и внутри меня что-то неприятно, даже болезненно сжимается. Почему-то кажется, что я обидела его.

Пока я смотрю вслед Соболеву, Максим открывает передо мной дверь машины.

Я сажусь на пассажирское сиденье, действуя словно на автомате, всё ещё зависнув в своих мыслях. Прихожу в себя только, когда машина плавно трогается с места и выезжает на оживлённый проспект.

Мимо пролетают знакомые дома и улицы, а я только сейчас понимаю, что Максим везёт меня в ресторан. Адреналин прыскает в кровь, и моё сердце начинает биться слишком гулко… но я заставляю себя сидеть на месте и не дёргаться. В конце концов, ничего страшного не случится, если мы просто по-дружески посидим в ресторане. Поговорим и поедим.

Ресторан, спрятанный в старом здании с лепниной на фасаде, оказывается небольшим и очень уютным. Снаружи висят чёрные кованые фонари и в этом же стиле вывеска «Мимоза». Внутри горит приглушённый свет, круглые столики застелены белыми скатертями, а небольших вазах стоят живые цветы. Здесь приятно пахнет запечённым мясом и пряностями.

Мы садимся за столик у окна, и я чувствую, как тревога постепенно отпускает меня.

- Ты меня похитил, - с улыбкой произношу, когда официант, приняв заказ, отходит.

Максим смотрит мне в глаза.

- Ты считаешь, я слишком тороплю события?

Он кладёт руки на стол. А я неосознанно отмечаю про себя, какие они сильные… и красивые. Татуировки красиво переплетаются в единый узор и уходят под короткий рукав чёрной футболки.

Чёрт… я не о том думаю.

Чувствую, как румянец заливает щёки и быстро беру в руку бокал, делаю глоток холодной воды… но скрыться от неловкости это не помогает.

- Я замужем, Максим, - говорю тихо… и сама слышу, как неуверенно и неправильно звучат эти слова.

- Ты разводишься, - отвечает он просто.

Киваю.

- Это так, но…

Вздыхаю, так и не закончив свою фразу.

А что я могу сказать?

Да, я развожусь, потому что муж изменил мне. Снова пригрел на груди свою первую больную любовь.

Закусываю губу. Не хочу о них думать.

Нервно комкаю в руке тканевую салфетку… и чувствую на себе внимательный взгляд Максима.

- Знаешь, Женя, - говорит он и подаётся вперёд, накрывает своей рукой мои холодные пальцы. Я поднимаю голову и смотрю Максу в глаза. – Когда после той аварии я понял, что буду жить, я дал себе слово больше не тратить жизнь попусту. Я понимаю, что мы знакомы совсем недолго, но ты мне нравишься. И я не хочу ходить вокруг да около. Я хочу встречаться с тобой.

Глава 38

Женя

Смотрю на него. На его руку, которая накрывает мою… и не знаю, что ответить.

Максим мне нравится. Глупо это отрицать. Между нами есть та самая химия, которая будоражит кровь и рассыпается мурашками по коже, когда мы находимся рядом.

Но я только вырвалась из золотой клетки. Меня предали и растоптали. Я только-только снова встаю на ноги… и мне страшно сказать Максиму «да», потому что я не переживу ещё одного такого удара в спину.

Я вообще не собиралась в ближайшее время ни с кем встречаться, хотела успокоиться и перевести дух. Нет, я не планировала ставить на своей личной жизни крест… но вот так сразу снова начинать новые отношения, когда прежние ещё формально даже не закончены…

Делаю глубокий вдох и поднимаю свой взгляд к его зелёным глазам, которые сейчас очень внимательно смотрят на меня… и понимаю – Максим не шутит, он вполне серьёзен.

- Максим, - начинаю я тихо. – Давай для начала узнаем друг друга получше.

Он выдыхает, и я вижу, как дёргается его кадык.

- Ты уже многое обо мне знаешь, а вот я о тебе – почти ничего.

Он кивает.

- Хорошо, я расскажу тебе о себе.

Он откидывается на спинку стула, но своей руки с моей ладони не убирает. Его пальцы медленно, по кругу поглаживают мои, постепенно своим теплом согревая их. Максим переводит взгляд в окно и несколько долгих секунд молчит, смотрит на огни вечернего города.

Я его не тороплю.

- Начну с главного - я был женат, - наконец произносит он, и его слова холодом касаются моего сердца.

Я замираю.

- Яна была моей одногруппницей. Мы вместе учились в мединституте. Вместе готовились к экзаменам и мечтали стать знаменитыми врачами. Она была… красивой. Доброй. Внимательной. – Он говорит это глухо, словно заставляет себя произнести эти слова. – И, наверно, мы любили друг друга.

Он замолкает на секунду, а когда продолжает, его голос становится другим – грубым, жёстким, без тени лирики.

- Но через полгода после аварии она ушла.

- Почему? – тихо задаю вопрос, хотя, наверно, не имею на него права.

Но Максим поворачивается ко мне и отвечает:

- Я не виню её, - мягче говорит он. – Смотреть на тот обугленный кусок мяса, в который я превратился, даже я сам не мог. А она видела всё это каждый день, - он проводит рукой от шеи до пояса, пальцем касаясь ткани футболки.

Внутри меня всё сжимается.

Не от жалости. Нет.

От того, что его тоже предали, и я знаю, как это больно.

- Мы разошлись спокойно, - продолжает Максим. – Без истерик и скандалов. Она просто сказала, что больше не может так жить. И я её понял.

Он вдруг усмехается, и в его взгляде, обращённом на меня, появляется мальчишеская дерзость.

- Пять лет у меня не было никаких отношений, - говорит он и тянется вперёд, нависает над столом. Горячими пальцами сильнее сжимает мою ладонь… и я её не убираю. – Но я увидел тебя и весь мой целибат пошёл к чёрту.

Горячая кровь заливает щёки, и учащённый яростный пульс бьёт в виски.

Тихо сглатываю. Неловкость зашкаливает, но я не могу отпустить взгляда от потемневших глаз Максима.

- Знаешь, когда я вернулся домой после аварии, сначала мне было крайне паршиво. Без футболки я даже в зеркало на себя смотреть не мог – грудь, шея и руки были в огромных ярко-розовых шрамах. И это мне ещё повезло, что на лице не осталось следов. И на ногах почти не было ожогов, иначе я бы ещё и ходить нормально не смог. – Он переводит взгляд на наши ладони, и его пальцы снова легко поглаживают мои. – Но человек привыкает ко всему, и в какой-то момент я стал меньше обращать внимание на свои шрамы и привык к одиночеству, в котором меня оставила Яна. Я же тогда и со своей мечтой расстался – я выучился на хирурга, но после аварии уже так уверенно держать скальпель в руке не мог.

Холод снова медленно растекается в моей груди.

Мне так обидно за него.

Почему с ним такое произошло?

Но Максим будто не замечает моей скованности и продолжает:

- Я буквально замуровал себя в квартире и, наверно, я бы ещё долго сидел там и зализывал раны. Но меня вытянул из той депрессии отец. – На лице Максима снова появляется улыбка. – Однажды он приехал ко мне с вещами и остался. Насовсем. Меня, к тому моменту уже привыкшего к тотальному одиночеству, это поначалу жутко злило. Я хотел, чтобы меня оставили в покое. Но он не ушёл.

Макс снова смотрит на меня, и я замечаю, как его глаза сейчас горят.

- Мы долго разговаривали. Именно отец подкинул мне идею закрыть татуировками шрамы. – Он весело усмехается. – Я даже не представляю, сколько сайтов и журналов он перерыл. – И снова его ладонь мягко сжимает мою, а взгляд зелёных глаз наполняется теплотой. – Начались поиски мастера. Потом набили пробное тату, и мне понравилось. Тогда впервые после аварии я обрадовался.

Я смотрю на его руки. На татуировки, которые закрывают его шрамы. И вижу их уже по-новому.

- Через несколько месяцев я полностью забил всё тату, а дальше… - он на несколько секунд замолкает и вздыхает. – Потом отец в тайне от меня продал свою квартиру и бизнес. Однажды он просто пришёл ко мне, показал распечатку со своего счёта и сказал, что хочет вложить эти деньги в клинику, которую должен возглавить я.

- И ты согласился? – тихо спрашиваю, а Максим качает головой.

- Тем вечером мы сильно поругались, - уголок его губ снова ползёт вверх, словно он вспоминает о чём-то забавном. – А на утро уже обсуждали, в каком направлении лучше начинать работать.

Я сама не замечаю, как наклоняюсь вперёд.

- Получается, та больница, в которой ты принимал нас…

- Да, - говорит он. – Она принадлежит нам с отцом. Пусть я и не оперирующий хирург, но заниматься переломами и вести приём вполне способен.

Теплота наполняет меня, полностью вытесняя из груди холод… и я сама провожу большим пальцем по его ладони. Несколько секунд мы молчим. И вроде бы всё хорошо, но страх снова стать лишь заменой первой любви... страх, который живёт во мне с того момента, как в городе появилась Нина, заставляет меня спросить:

- А Яна? Ты действительно смог забыть её?

Глава 39

Женя

Ночью я долго не могу уснуть. Ворочаюсь на диване, снова и снова перебирая в голове сегодняшний вечер.

«Я не хочу ходить вокруг да около».

«Я хочу встречаться с тобой».

Всё ещё вижу перед собой глаза Максима, слышу его голос и чувствую тепло его ладони, накрывшей мои холодные пальцы.

А ещё я помню вспыхнувший внутри страх. И боль… ту же боль, которую я испытала, когда увидела фотографию – руку Нины на спине моего мужа. Подаренный Марком браслет из моей новой коллекции сверкал на её запястье. А подпись к той фотографии: «… Я люблю и безумно любима»… она жгла меня и раздирала всё внутри в клочья.

Она. Убивала. Меня.

Медленно. Тихо. Безжалостно.

Сейчас я понимаю – эта боль не ушла. Она просто спряталась, притаилась, ожидая своего часа, чтобы снова травить меня.

И после сегодняшних слов Максима, момент настал.

Горько усмехаюсь.

Смотрю в покрытый мелькающими тенями потолок.

Внутри появляется мерзкое ощущение, что история повторяется. Только теперь я точно знаю, что не хочу снова наступать на те же грабли.

Да Максим мне нравится, но ещё раз быть чьей-то заменой и бороться с его первой любовью я не буду.

Хватит с меня и одного предательства.

С этими тяжёлыми мыслями я засыпаю только под утро, когда первые лучи солнца уже врываются в комнату. И, как итог, встаю с кровати с жуткой головной болью.

- Жень, ты точно в порядке? – уже не в первый раз спрашивает Сашка, пока везёт меня на работу.

Он на мгновение отрывает взгляд от дороги и встревоженно смотрит на меня.

Заставляю себя улыбнуться и ровно отвечаю:

- Я просто не выспалась, Саш. В остальном всё хорошо, - говорю и сама слышу, как фальшиво это звучит.

И брат мне тоже не верит. Я вижу это по его чуть прищуренным глазам. Но Сашка не давит и не лезет мне в душу с вопросами. Кивает и молча довозит меня до офиса.

За двадцать минут до начала рабочего дня я захожу в свою мастерскую и тут же наливаю себе горький, обжигающий кофе. Сажусь за стол и растираю пальцами ноющие виски. Делаю осторожный маленький глоток кофе и тут же морщусь.

Не люблю кофе. Особенно без молока.

Но сегодня только он может меня хоть чуть-чуть взбодрить.

Обречённо делаю ещё один глоток и придвигаю к себе планшет. Открываю вчерашний эскиз – золотое кольцо с крупным рубином.

Сегодня я смотрю на него совсем не так, как вчера. Огонь яркого камня, его острые грани, которые так жгли меня, теперь кажутся тусклыми и чужими.

Взглядом скольжу по экрану. Внутри только пустота.

Тихо вздыхаю. И с облегчением отодвигаю в сторону планшет, когда звонит телефон.

Отвечаю на вызов.

- Евгения, - раздаётся из динамика холодный и ровный голос Соболева. – Зайдите ко мне в кабинет.

Я замираю.

- Что-то случилось?

- Придите. Поговорим, - резко бросает он и кладёт трубку.

Липкое ощущение надвигающейся беды пробирается в душу, но я силой давлю его и выхожу из мастерской. Мои каблуки цокают по гладкому полу, перекрывая бешеное биение моего сердца. В соседних кабинетах разговаривают люди, мерно гудят кондиционеры, но я ничего не слышу.

Соболев никогда так резко и холодно не разговаривал со мной.

Пока иду к его кабинету, перебираю в голове возможные варианты того, что могло произойти… но все они сводятся к Марку.

О том, что на настроение Андрея Геннадьевича могло испортиться после нашей вчерашней встречи на парковке, я даже не думаю.

Не тот он человек.

Скорее всего, случилось что-то серьёзное.

И снова мои мысли крутятся вокруг мужа – возможно, он по-прежнему давит на Соболева.

Помощница Андрея Геннадьевича просит меня пройти в кабинет.

Берусь за ручку двери и тихо выдыхаю. Сердце в груди бьётся безумно и рвано.

Прикрываю глаза на мгновение, делаю жадный вдох и нажимаю на ручку. Вхожу.

Взглядом тут же сталкиваюсь с холодными глазами Соболева, и с неимоверным трудом закрываю за собой дверь.

- Присаживайтесь, Евгения, - голос моего нового босса ровно такой же, как и его взгляд – холодный и острый.

Молча прохожу к столу и сажусь не рядом, а напротив Соболева… потому что та агрессивная, явно недоброжелательная волна, исходящая от мужчины, просто сшибает меня.

Он смотрит на меня несколько секунд. В его голубых глазах по-прежнему лёд, а между нами искрит небывалое напряжение.

И снова я не понимаю, что сейчас происходит.

Соболев молчит, а как только я решаюсь открыть рот и задать вопрос, в дверь кабинета тихо стучат. Мгновенно забываю о том, что хотела сказать и резко оборачиваюсь.

Помощница Соболева осторожно заглядывает в кабинет.

- Андрей Геннадьевич, - говорит она. – Марк Игоревич подошёл.

Внутри меня всё сжимается.

Поворачиваюсь и впиваюсь взглядом в Соболева. Вижу, как его лицо быстро меняется – становится холодным, непроницаемым.

- Пригласите, - говорит он… а я стискиваю под столом пальцы.

Синяки на моей шее начинают болезненно пульсировать, напоминая о себе.

Мгновение, и дверь открывается. Марк уверенно входит в кабинет.

Его наглый взгляд тут же прикипает ко мне, а на лице мужа появляется дерзкая кривая усмешка. Марк шагает вперёд, и дорогая ткань его чёрной рубашки натягивается на широких плечах.

Я перестаю дышать. АМарк встаёт за моей спиной.

Он наклоняется и, не обращая никакого внимания на Соболева, шепчет мне на ухо:

- Сегодня ты уйдёшь со мной, Женя.

Сердце рвётся в груди. Сжимаю ладони в кулаки и резко поднимаюсь.

Одним быстрым движением отодвигаю стул и разворачиваюсь. Смотрю мужу в глаза.

Напряжение искрами разлетается между нами.

- Не будет этого, - чётко и громко произношу, глядя этому подонку в глаза.

Он лишь ухмыляется.

- Думаешь, Андрей снова тебя защитит? – ядовито цедит мне в лицо Марк, и уголок его губ снова ползёт вверх.

- Зачем ты пришёл, Марк?

Андрей Геннадьевич поднимается, а у меня мороз по коже ползёт от его ледяного голоса.

Марк поворачивается. Они с Соболевым застывают в шаге друг от друга. Схлёстываются взглядами, и кажется, что температура в кабинете резко падает на десяток градусов.

- Кое-что хочу показать тебе, - Марк небрежно кладёт на стол папку, которую до этого держал в руке. – Полистай содержимое. Думаю, после этого ты, наконец, уйдёшь с моей дороги, Андрей.

Мужчины ещё несколько мгновений смотрят друг на друга. Потом Соболев подвигает к себе и открывает папку.

Я вижу, что там лежат фотографии, но не могу разобрать что на них… только понимаю, что это что-то очень важное… настолько важное, что заставляет Соболева замереть. Его лицо становится каменным. Пальцы с силой сжимают фотографии.

Я тихо выдыхаю.

Напряжение холодком ползёт по спине.

Мне чертовски не нравится то, что сейчас происходит.

Что задумал Марк?

Что это за фотографии?

Наконец, Соболев закрывает папку и медленно поднимает голову. Его ледяной взгляд впивается в лицо Марка.

А мой пока ещё муж усмехается. Чуть наклоняет голову вбок.

- Ты всё ещё готов сотрудничать с моей женой, Андрей, или, наконец, оставишь Женю в покое?

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.